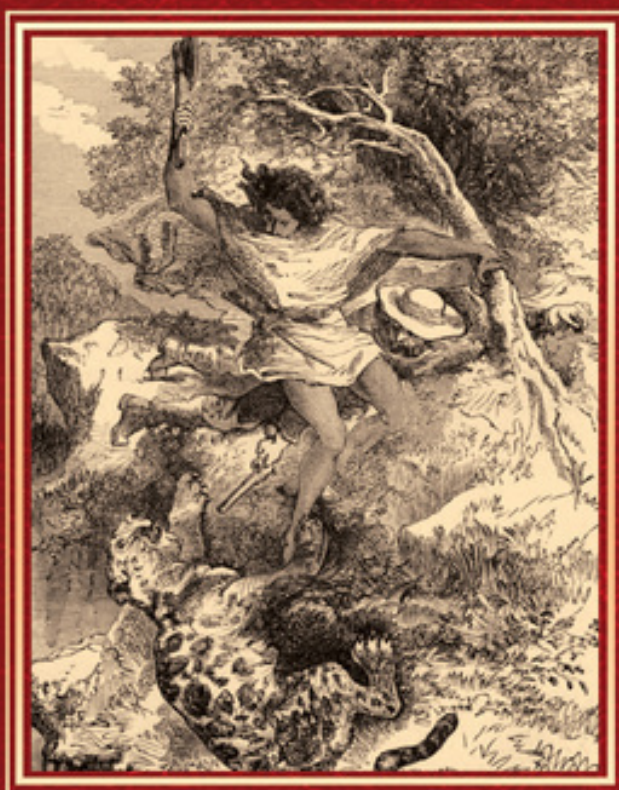

Томас Майн Рид

Жилище в пустыне

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера приключений

Томас Майн Рид

Жилище в пустыне (сборник)

«ВЕЧЕ»

1852, 1854

Майн Рид Т.

Жилище в пустыне (сборник) / Т. Майн Рид — «ВЕЧЕ»,
1852, 1854 — (Мастера приключений)

ISBN 978-5-4444-8735-8

В силу обстоятельств караван торговцев, кочующих между Сент-Луисом и Санта-Фе, меняет привычный курс и попадает в совершенно нехоженный край Великой Северо-Американской пустыни, где царствует засуха и клубится вековая пыль. Избрав своим ориентиром белый треугольник снежной горы, маячащей вдали, путники оказываются на пороге таинственной пропасти, охраняемой кактусами и кедрами, растущими горизонтально прямо из расселин скал. В очередной том Майн Рида входят романы о приключениях на Дальнем Западе, в перуанских горах и джунглях Амазонки – «Жилище в пустыне» и «Изгнанники в лесу».

ISBN 978-5-4444-8735-8

© Майн Рид Т., 1852, 1854
© ВЕЧЕ, 1852, 1854

Содержание

Библиография Томаса Майн Рида	7
Жилище в пустыне	9
Глава I. Великая Северо-Американская пустыня	9
Глава II. Снеговая вершина	16
Глава III. Оазис в долине	18
Глава IV. Странная ферма	22
Глава V. Ролф начинает свою историю	26
Глава VI. Плантация в штате Вирджиния	28
Глава VII. Караван	30
Глава VIII. Рассказ Мак-Кнайда	34
Глава IX. В пустыне	39
Глава X. Армадилл	44
Глава XI. Тощий бык	49
Глава XII. Дикие бараны	53
Глава XIII. Лось	57
Глава XIV. Гибель быка	63
Глава XV. Бесплодные поиски	65
Глава XVI. Таинственное наводнение	67
Глава XVII. Бобры	70
Глава XVIII. Жилища бобров	75
Глава XIX. Умная белка	78
Глава XX. Дом без гвоздей	81
Глава XXI. Битва с черными хвостами	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Томас Майн Рид

Жилище в пустыне. Изгнанники в лесу

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Томас Майн Рид

Библиография Томаса Майн Рида

Книжные публикации

- «Военная жизнь» (War Life, 1849)
«Вольные стрелки» (The Rifle Rangers, 1850)
«Охотники за скальпами» (The Scalp Hunters, 1851)
«Жилище в пустыне» (The Desert Home, 1852)
«В поисках белого бизона» (The Boy Hunters, 1853)
«Гудзонов залив» (The Young Voyageurs, 1854)
«Изгнанники в лесу» (The Forest Exiles, 1854)
«У охотничьего костра» (The Hunter's Feast, 1855)
«Белый вождь» (The White Chief, 1855)
«В дебрях Южной Африки» (The Bush Boys, 1855)
«Юные охотники» (The Young Yagers, 1856)
«Квартеронка» (The Quadroon, 1856)
«Тропа войны» (The War Trail, 1857)
«Охотники за растениями» (The Plant Hunters, 1857)
«На невольничьем судне» (Ran Away to Sea, 1858)
«Оцеола, вождь семинолов» (Oceola, 1859)
«Морской волчонок» (The Boy Tar, 1859)
«Лесные бродяги» (The Wood Rangers, 1860) – переработка романа Г. Ферри
«Охотник на тигров» (A Hero in Spite of Himself, 1861) – переработка романа Г. Ферри
«Отважная охотница» (The Wild Huntress, 1861)
«Охотники на медведей» (Bruin, 1861)
«Мароны» (The Maroon, 1862)
«Затерянные в океане» (The Ocean Waifs, 1863)
«Эндрю Деверел» (Andrew Deverel, 1863) – автор Ч. Бич, под ред. Т. Майн Рида
«Ползуны по скалам» (The Cliff Climbers, 1864)
«Белая перчатка» (The White Gauntlet, 1864)
«Пропавшая сестра» (Lost Lenore, 1864) – автор Ч. Бич, под ред. Т. Майн Рида
«Возвращение к цивилизации» (Left to the World, 1865) – автор Ч. Бич, под ред. Т. Майн Рида
«Молодые невольники» (The Boy Slaves, 1865)
«Всадник без головы» (The Headless Horseman, 1865)
«Бандолеро» (The Bandolero, 1866)
«Водой по лесу» (Afloat in the Forest, 1867)
«Охотники за жирафами» (The Giraffe Hunters, 1867)
«Вождь гверильясов и другие истории» (The Guerilla Chief and Other Tales, 1867)
«Жена-дитя» (The Child Wife, 1868)
«Беспомощная рука» (The Helpless Hand, 1868)
«Остров дьявола» (The Planter Pirate, 1868)
«Белая скво» (The White Squaw, 1868)
«Желтый вождь» (The Yellow Chief, 1869)
«В дебрях Борнео» (The Castaways, 1870)
«Одинокое ранчо» (The Lone Rancho, 1871)

«Перст судьбы» (The Finger of Fate, 1872)

«Смертельный выстрел» (The Death Shot, 1873)

«Кубинский патриот» (The Cuban Patriot, 1873)

«Сигнал бедствия» (The Flag of Distress, 1876)

«Гвен Уинн» (Gwen Wynn, 1877)

«Черный мустангер» (The Wild-Horse Hunters, 1877) – автор Ф. Уиттекер, под ред. Т. Майн Рида

«Золотой браслет» (The Cadet Button, 1878) – автор Ф. Уиттекер, под ред. Т. Майн Рида

«Гаспар гаучо» (Gaspar the Gaucho, 1879)

«Королева озер» (The Captain of the Rifles, 1879)

«Американские партизаны» (The Free Lances, 1881)

«Охота на левиафана» (The Chase of Leviathan, 1881)

«Огненная земля» (The Land of Fire, 1884)

«Затерявшаяся гора» (The Lost Mountain, 1885)

«Переселенцы Трансвааля» (The Vee-Boers, 1885)

«Пронзенное сердце и др. истории» (The Pierced Heart and Other Stories, 1885)

«Без пощады!» (No Quarter! 1888)

Жилище в пустыне

Глава I. Великая Северо-Американская пустыня

В глубине североамериканского материка лежит большая пустыня¹, почти столь же обширная, как знаменитая африканская Сахара. Ширина ее предполагается в две тысячи четыреста километров, а длина – в тысячу шестьсот; пределы ее еще не совсем точно установлены², и возможно, что площадь ее не превосходит двух миллионов квадратных километров, то есть в четыре раза больше Франции.

Даже с этой оговоркой пустыня вполне заслуживает прозвания «великой».

С понятием о пустыне у нас связывается представление о совершенно ровной земной поверхности, покрытой песками, лишенной деревьев, травы и какой бы то ни было растительности. Вихри пустыни носят песок густыми желтыми тучами, и вода в ней совершенно отсутствует.

Хотя почти в каждой пустыне встречаются такие песчаные пространства, наряду с ними попадаются места совсем другого характера. Недра Сахары еще не окончательно исследованы, но все же нам известно, что ее пересекают длинные горные кряжи со скалистыми отрогами и долинами; что в ней имеются озера, реки и ручьи. В Сахаре встречаются даже плодородные места, на очень большом расстоянии друг от друга, покрытые деревьями и растительностью. Такие зеленые островки иногда являются лишь небольшими клочками земли, иногда более обширными; их населяют независимые бедуинские племена, объединенные подчас патриархально-государственной связью. Всем известно, что такое «оазис», и, бросив взгляд на карту, вы заметите, что оазисы в большом числе разбросаны по Сахаре.

Великая Северо-Американская пустыня отличается в общем теми же чертами, но представляет большее географическое разнообразие. Здесь мы имеем равнины, простирающиеся на сотни миль, где ничего не видно, кроме белых песков, вздымаемых ветром или лежащих волнообразными грядами, похожими на сугробы, нанесенные метелью, и другие равнины, столь же обширные, но отнюдь не песчаные, с бесплодным жестким грунтом, лишенным растительного покрова². Кое-где торчат тощие деревца с белесоватыми листьями. Иногда они образуют заросли, и всадник с трудом проникает в сплетение узловатых ветвей. Кустарник этот – разновидность чернойбыльника, или полыни, и называется «артемизией»³; равнины, по которым он растет, охотники прозвали «полынными прериями»; наконец, попадаются мрачные места, покрытые лавой, когда-то изверженной вулканами⁴; другие места, напротив, сверкают белизной только что выпавшего снега; однако это не снег, а соль – чистая, беспримесная соль, покрывающая землю слоем в шесть дюймов толщиной и простирающаяся вокруг по радиусу свыше пятидесяти миль. В некоторых случаях это не простая, а глауберова соль, лежащая ровным кристаллическим покровом⁵.

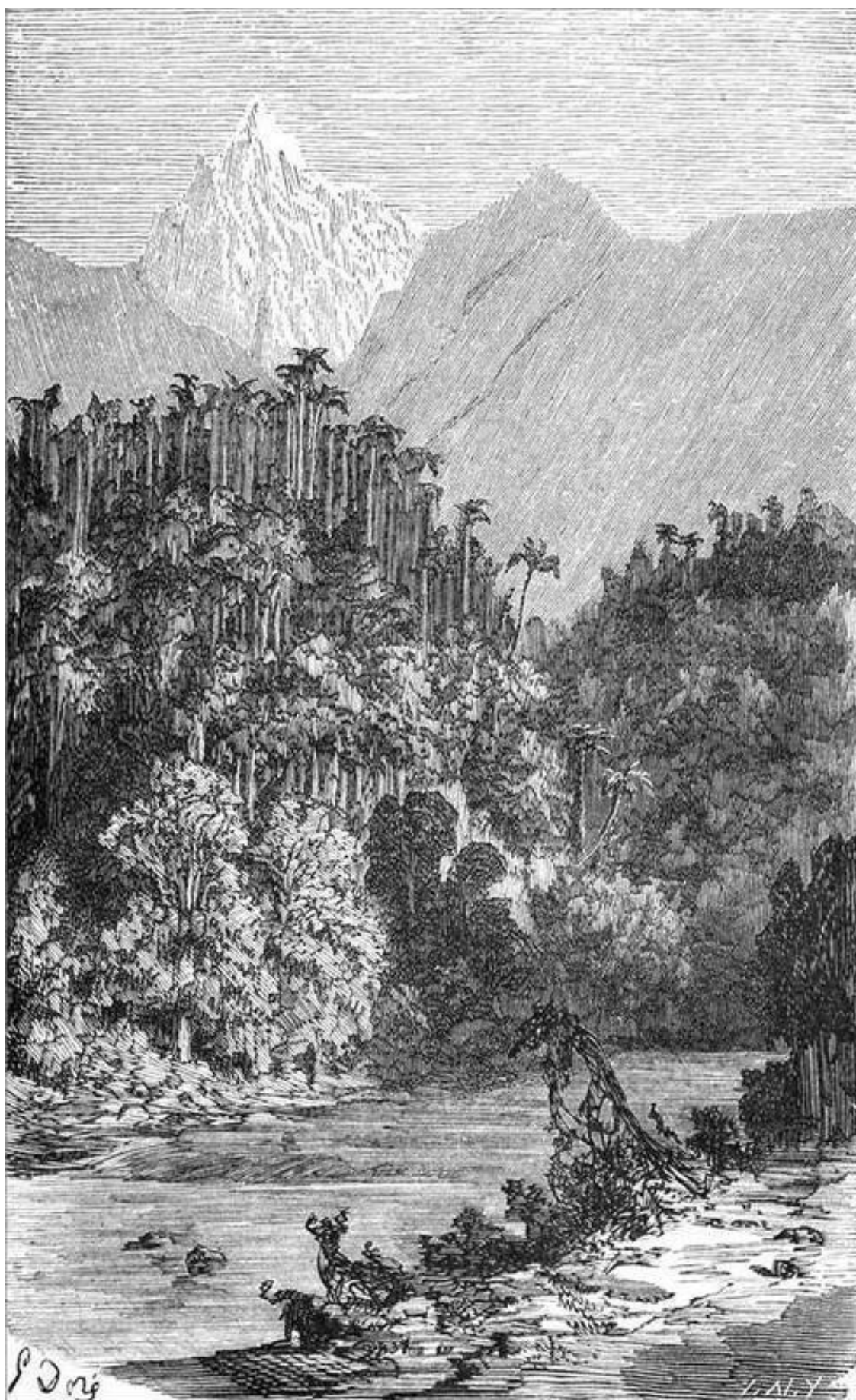
Пустыня весьма гориста. Высокий кряж Скалистых гор⁶ пересекает ее с севера на юг и делит на две почти равные части. Здесь встречаются и другие горы, подчас большой высоты, причем некоторые из них по форме и окраске исключительно интересны и своеобразны. Иногда на протяжении нескольких миль их плоские вершины напоминают черепичную крышу, и гребень настолько узок, что на него можно сесть верхом; иногда они

¹ См. примечания к роману в конце книги.

² Автор писал эти строки в 1851 году. (Примеч. переводчика.)

поднимаются прямо из земли в виде одиноко стоящих конусов, похожих на опрокинутые чайные чашки. Попадаются, наконец, острые пики, подобные каменным иглам, напоминающие стрелы готических соборов. Эти горы на большом расстоянии кажутся иногда черными, темно-зелеными или голубоватыми. Последний оттенок сообщается им кедровыми или сосновыми лесами. Но на многих из них не растет ни единого деревца, ни одной былинки. Обнаженные гранитные глыбы громоздятся друг на друга или же нависают над темными головокружительными пропастями. Иные утесы отливают девственной белизной, покрытые шапками белого снега. Снег на этих вершинах никогда не тает – так высоко они поднимаются над уровнем моря. Впрочем, белизна некоторых из этих гор объясняется тощими, иссохшими кедрами с молочно-белой листвой, растущими в ущельях, или же известью и белыми кварцами самого массива. Иные горы, лишённые всякого подобия растительности, кажутся свежераскрашенными в самые яркие цвета – с красными, зелеными, желтыми полосами. Эти полосы соответствуют различным минеральным напластованиям. Наконец сплошь и рядом горы блестят слюдой и селенитом, которые в них обильно вкраплены. Под лучами солнца они играют, как золото или серебро.

Какие странные реки протекают по этим местам! Иные из них катят свои воды по широкому мелководному руслу с блестящим песчаным дном; но, спускаясь по течению этих величавых рек, из которых некоторые имеют в ширину до ста восьмидесяти метров, мы замечаем, что вместо того, чтобы расширяться, приближаясь к устью, как во всех известных нам странах, они суживаются, понемногу теряются в песках и наконец превращаются в пересохшее русло, по которому можно идти десятки дней. Дальше вода появляется в них снова, они набухают, становятся судоходными на протяжении сотен километров, и большие корабли пускаются по ним к морю. Таковы русла Арканзаса и Ла-Платы⁷.

Какие странные реки протекают по этим местам!

Другие реки с отвесными берегами катят свои ледяные воды среди суровых скалистых круч, поднимающихся на тысячи футов и образующих узкие щелевидные пропасти, на дне которых ревет поток, как затравленный зверь. Иногда эти каменистые берега тянутся на сотни миль и до такой степени круты, что невозможно спуститься к самой воде. Многие путешественники погибли от жажды в то время, как неделями слышали шум бегущей внизу воды. Таковы Колорадо и Снейк⁸.

Другие реки, наконец, орошают обширные равнины, размывая в половодье глинистые берега и меняя из года в год свое течение, так что нередко старое русло отстоит от нового километров на шестьдесят. Иногда они свободно журчат по земле на протяжении нескольких миль, иногда воды их исчезают под густым сплавом деревьев, вырванных и увлеченных потоком⁹; они растекаются сотнями излучин, похожие на громадных, медленно ползущих змей, и мутная красноватая вода носит зловеще кровавый оттенок. Таковы Бразос¹⁰ и Красная река.

Вот какие странные реки размывают почву и, свергаясь с гор, орошают долины и плоскогорья Великой Северо-Американской пустыни.

Озера здесь не менее своеобразны. Иные из них прячутся в глубоких складках камня; берега их до такой степени крутые, что на них невозможно взобраться; окружающие скалы так холодны и пустынно, что воды этих молчаливых озер никогда не оживляются залетной птицей.

Окружающие скалы так холодны и пустыны

Попадаются озера также в бесплодных пустынях; но проходит несколько лет – и путешественник уже не находит их на месте: они высохли и исчезли. В одних – вода свежая и кристально-прозрачная, в других – солоноватая и мутная, в некоторых – солоней и тяжелей, чем в океане¹¹.

Пустыня изобилует источниками: углекислыми, щелочными и сернистыми, иногда настолько горячими, что вода в них непрерывно клокочет и испаряется: в них нельзя опустить палец, не обжегшись.

Время от времени попадают глубокие трещины в горной породе и зияющие провалы, издали заметные с равнины. Иные из них так глубоки, что гора, в которой они образовались, кажется расколотой надвое до самого основания. Мексиканцы зовут их барранкос¹². Иногда сама равнина бывает расколота трещинами в несколько тысяч футов глубины. В горах мы наблюдаем громадные трещины, промытые реками, словно вода пробуравила в горном массиве туннель, который потом обвалился. Эти коридоры называются каньонами¹³. Все эти дикие образования крайне характерны для Великой Северо-Американской пустыни.

Область частично населена. Люди попадают в оазисах, из которых некоторые довольно обширны и недурно обработаны. Здесь можно отметить так называемую Новую Мексику¹⁴ с городскими поселениями и почти сотнями тысяч жителей, в чьих жилах течет испанская кровь, смешанная с индейской. Другой оазис тянется по берегам Большого Солёного озера и озера Утахи; эта область в 1846 году получила административное устройство, а в настоящее время является одним из североамериканских штатов.

Кроме этих двух крупных оазисов существуют тысячи других различной величины, начиная от пятидесяти миль в ширину, кончая маленькими клочками земли, орошаемой каким-нибудь благодетельным ключом. Большинство из них необитаемы, но некоторые населены индейскими племенами, владеющими лошадьми и скотом и по большей части разбитыми на группы из трех-четырех семейств. Индейцы живут скудно, питаются корнями, зернами, травами, пресмыкающимися и насекомыми. В двух больших упомянутых нами провинциях к индейскому населению примешиваются там и сям рассеянные белые: это охотники за пушниной – так называемые трапперы.

Они ставят капканы бобрам, охотятся на бизонов и других животных. Образ жизни их представляет собой непрерывную цепь опасностей; они вынуждены отбиваться от диких зверей и от враждебно настроенных индейцев, с которыми находятся в непрерывном соприкосновении. Этих звероловов привлекают меха бобра, американской норки, мускусной крысы, куницы, рыси и лисицы. Это их единственный промысел – источник существования. Так называемые «форты», или склады товаров, устроены предприимчивыми коммерсантами на большом расстоянии друг от друга. Здесь трапперы обменивают меха на съестные припасы, одежду и все необходимое для их опасного промысла.

Но пустыню пересекают также путешественники другого рода. Уже несколько лет, как завязалась оживленная торговля между оазисами Новой Мексики и Соединенными Штатами. В эту торговлю втянуты значительный капитал и много предпринимателей, в большинстве американцы. Товары перевозятся в больших фургонах, запряженных мулами или быками. Несколько таких фургонов образуют караван. Как видите, Великая Северо-Американская пустыня, подобно Сахаре, имеет свои караваны.

Караваны эти покрывают сотни миль по диким пространствам, населенным кочующими индейскими племенами; эти земли по большей части настолько бесплодны, что на них не живут даже индейцы.

Однако караваны следуют обычно по определенному маршруту, там, где растут травы и просачивается вода в известные времена года. Насчитывается несколько таких дорог, или

«троп», от границы Соединенных Штатов к Новой Мексике. Но в промежутках между этими тропами подчас простираются обширные неисследованные области, иногда даже плодородные участки, куда еще не ступала нога человеческая.

Глава II. Снеговая вершина

Несколько лет назад я примкнул к группе степных коммерсантов, которая отправлялась с караваном из Сент-Луис на Миссисипи в Санта-Фе, в Новой Мексике. Мы шли обычной тропой в Санта-Фе. Так как нам не удалось сбыть все товары в Новой Мексике, мы зашли в город Чигуагуа, лежащий несколько южнее. Закончив дела, мы приготовились вернуться той же дорогой в Соединенные Штаты, однако нам предложили воспользоваться тем, что мы идем налегке, обремененные только деньгами, и испробовать новую тропу в прериях. Всем нам улыбалась другая дорога после скудной тропы на Санта-Фе.

Но прибытии в Эль-Пасо¹⁵ мы продали наши фургоны, купили мексиканских мулов и наняли к ним проводников, так называемых арьеррос.

Мы приобрели также несколько верховых лошадей, выбрав низкорослых и быстроногих новомексиканских лошадей, наиболее удобных для путешествия в пустыне. Кроме того, мы обзавелись всякого рода одеждой и провизией, необходимой для такого путешествия. Мы были прекрасно вооружены и оседлали лучших коней, каких только можно было купить за наши деньги. Выйдя за Эль-Пасо, мы направились на восток.

Прежде всего нам нужно было перевалить через Скалистые горы, пересекающие всю эту область с юга на север. Отроги Скалистых гор, простирающиеся от Эль-Пасо, носят название Органной Сьерры по той причине, что скалы здесь напоминают органные трубы. Самой крупной достопримечательностью этих гор является озеро, расположенное на горном плато, — озеро с правильным приливом и отливом, как в океане.

Только здесь наблюдается это своеобразнейшее явление, ключ к которому должны подобрать геологи. Это озеро было излюбленным водоемом для диких зверей: лоси и олени в изобилии водятся на его берегах. Их даже не смущает присутствие мексиканских охотников, которые с каким-то суеверным почтением к духу Органной Сьерры изредка поднимаются на скалистые кручи.

Мы наметили для перевала довольно удобный горный проход, выводивший нас на ту сторону кряжа. После многодневного путешествия по восточному склону Скалистых гор, столь же известных, как горы Сакраменто или Гваделупы, мы натолкнулись на маленький ручеек и последовали за его течением. Ручей вывел нас к большой реке, протекавшей с севера на юг, к реке, в которой мы сразу признали знаменитый Пекос, или, как некоторые ее называют, Пуэрко¹⁶. Все это испанские названия. Область, которую мы пересекали, хотя и необитаемая, была поверхностно исследована испанцами из Мексики и составляла часть этой страны.

Мы переправились через Пекос и в течение нескольких дней шли его левым берегом в надежде открыть какой-нибудь новый поток, спускавшийся с запада, чтобы довериться его руслу. Но от этого плана пришлось отказаться: мы даже вовсе отошли от берегов Пекоса и удалились на несколько миль в прерии с тем, чтобы снова вернуться к его водам. В этом месте вода многовековой упорной работой прорыла себе дорогу в скалах, которые преграждали нам путь, а по сторонам его зияли пропасти.

Проникнув несколько дальше к северу, чем нам было нужно, мы наконец решили пересечь каменистую равнину, простиравшуюся на запад насколько хватал глаз. Было в высшей степени рискованно удалиться от реки, не зная, найдем ли мы где-нибудь воду. Путешественники в подобных случаях всегда следуют за течением ручья, куда бы оно ни выводило. Однако мы были раздражены тем, что не встретили там, где предполагали, западный приток Пекоса. Итак, запасшись водой и напоив коней, мы углубились в прерии.

Через несколько часов мы очутились в обширной пустыне с абсолютно ровной поверхностью, без намека на горы или холмы; кое-где едва пробивалась растительность: тощий

кустарник и колючий кактус, ни клочка травы, чтобы порадовать лошадей, ни капли воды, никаких воспоминаний о дожде, должно быть, никогда не проливавшемся на эти мрачные пустыри. И земля до такой степени высохла и потрескалась, что пыль, поднимаемая нашими шагами и копытами мулов, клубилась густой тучей. Прибавьте к этому нестерпимую жару, которая в сочетании с усталостью и пылью вызвала сильнейшую жажду. Весь наш запас воды был вскоре исчерпан, до наступления ночи не оставалось уже ни капли, а между тем мы изнывали от жажды. Животным пришлось еще хуже, чем людям: мы, по крайней мере, захватили с собой пищу, а они голодали.

Вернуться обратно мы не решались; к тому же, продолжая идти вперед, мы рассчитывали найти воду гораздо скорее, чем возвращаясь к покинутой реке.

На исходе дня взоры наши были зачарованы изумительным зрелищем, и мы приподнялись в седлах с чувством несказанной радости.

Не думайте, что мы увидели воду: это был какой-то белый предмет, как бы висевший в воздухе в большом отдалении; он имел вид треугольника и, казалось, реял в лазури, как гигантский бумажный змей. В нем легко было распознать снежную вершину.

С первого взгляда было ясно, что это так называемые вечные снега – горы, именуемые в Мексике невадами, что значит – снежные. Мы знали, что по хребту этих гор во всякое время года свергаются многочисленные ручьи; особенно летом, когда снег подтаивает.

Вот почему мы так обрадовались, и, хотя гора отстояла от нас очень далеко, мы двинулись к ней с приливом свежей энергии. Даже мулы и лошади, как будто сообразив, в чем дело, радостно заржали и прибавили ходу.

По мере того как мы к нему приближались, белый треугольник вырисовывался все крупнее. К закату солнца мы уже различали черные прогалины в нижнем поясе горы и желтоватые полосы на кристаллически чистых снегах, горевшие, как золотые обручи. Какая картина для путешественника!

Солнце зашло, и наступило царство луны. В ее матовом сиянии мы продвигались всю ночь. К чему, в самом деле, привела бы передышка? Остановка означала смерть.

К утру мы уже с трудом тащились, отойдя от Пекоса больше чем на сто миль и все же ничуть не приблизившись к горе. Мы различали подробности строения горы и отметили, что по южному ее склону от самой вершины к подошве проходит глубокая лощина. С западной стороны, наиболее к нам близкой, не было ничего подобного, и мы сделали отсюда вывод, что вода, скорее всего, стекает к южному склону, получая обильное питание от тающих снегов.

Расчеты наши оправдались: приблизившись и обойдя подошву горы, мы увидели ярко-зеленую полоску, выделявшуюся на коричневом фоне пустыни. Казалось, что это зеленая изгородь с большими купами деревьев, кое-где поднимающимися над ней. Это была ивовая и шелковичная роща. Нельзя было дольше сомневаться в близости воды, и мы приветствовали хорошее предзнаменование. Люди огласили воздух радостными криками, лошади ржали, мулы ревели, а через несколько мгновений все: люди, мулы, лошади – уже склонялись к прозрачному ручью, утоляя жажду освежительной влагой.

Глава III. Оазис в долине

После долгого трудного перехода мы испытывали потребность в отдыхе и подкреплении; нам хотелось остановиться на берегу ручья на всю ночь, даже на день или на два. Ряды ив уходили по берегам ручья километров на двадцать пять в долину. Под густым навесом листвы росли пахучие травы, известные в Мексике под названием граммидов. Трава эта сочна и питательна, и лошади и мулы любят лакомиться ею наравне с дикими зверями. Наши мулы и лошади уделили граммидам большое внимание. Едва утолив жажду, они бросились щипать траву с блестящими от жадности глазами. Мы разгрузили их и расседлали, привязали к колышкам и предоставили им досыта наесться.

Сами же занялись приготовлением ужина. От голода мы пока что не слишком страдали. Во время перехода по равнине мы жевали вяленое мясо, но есть его пришлось почти сырым; впрочем, «тазахо», как зовут его в Мексике, – довольно посредственная пища, безразлично – в сыром или жареном виде. Продержавшись таким образом больше недели, мы горели желанием поесть свежего мяса. В течение всего перехода от Эль-Пасо мы не встретили дичи, если не считать полудюжин тощих антилоп, из которых только одну удалось подстрелить из ружья.

Покуда мы привязывали животных и готовили ужин, состоявший из кофе и тазахо, один из наших охотников, по имени Линкольн, пошел поохотиться в долине. Мы слышали, как просвистела его пуля по горному коридору, потом, взглянув наверх, увидели стадо диких баранов, скачущее с вершины на вершину, подобно испуганной птичьей стае, спасающейся на утесе.

Вскоре показался и сам Линкольн, неся на руках одного из этих баранов: по большим рогам в форме полумесяца мы определили сразу его трофей. Баран был величиной с оленя, и ловкие охотники, вооружившись ножами, мигом его освежевали. Тем временем дружно застучали топоры, подрубленное шелковичное дерево свалилось на землю и вскоре запылало. Нарезанные ломтями бараньи бока были подвешены к огню, а котелок с кофе задрожал, забулькал и наконец закипел, распространяя крепкий живительный аромат.

Пожинав, мы завернулись в свои одеяла, забыли все опасности и трудности перехода.

Проснувшись мы освеженные и бодрые и, позавтракав, устроили совещание о дальнейшем маршруте. Безусловно, нам следовало идти по течению ручья, но он, увы, направлялся к югу, а на юге нам нечего было делать. Приходилось направиться к западу. В самом разгаре наших споров раздался крик охотника Линкольна.

Он стоял посреди равнины, недалеко от ив, и глядел на юг. Все взоры к нему обратились, и, к великому нашему удивлению, мы заметили дымок, поднимавшийся над равниной.

– Это индейцы! – воскликнул один из наших спутников.

– Там, внизу, в прериях, – заговорил Линкольн, – когда я охотился за дикими баранами, мне бросилось в глаза подозрительное углубление. Дым как будто поднимается оттуда; без огня дыма не бывает, а где огонь – там и люди. Там краснокожие или белые...

– Это индейцы, безусловно, индейцы, – раздалось взволнованные голоса. – Кто еще может бродить в этих местах, в сотнях миль от ближайшего жилья? Конечно, это индейцы...

Мы бегло посоветовались о том, что предпринять. Огонь потушили, а лошадей с мулами отвели под ивовый навес. Одни предлагали выслать разведку вдоль ручья, другие – подняться в горы, обозреть оттуда всю окрестность и установить происхождение дыма. Это был наиболее благоразумный совет. Если даже горная разведка не даст никаких результатов, никогда не будет поздно отправиться к ручью.

Человек шесть из нас, оставив прочих сторожить бивуак, немедленно поднялись в гору.

Мы карабкались над долиной, время от времени делая передышку и обозревая даль. Таким образом мы поднялись на порядочную высоту.

Наконец мы заметили язык пламени, как будто вырывавшийся из глубокого барранкоса, куда низвергался ручей. Но что-либо разглядеть на таком расстоянии было невозможно.

Зато мы видели равнину, простиравшуюся далеко за черту огня, потрескавшуюся и бесплодную. Лишь с одной стороны, а именно с запада, виднелся пояс зелени, кое-где разбросанные одинокие деревья и там и сям пятна тощих кустарников.

Эта зеленая полоса рассекалась глубокой щелью в земле, по всей вероятности, руслом ручья, вытекавшего из барранкоса.

Так как с высоты нельзя было ничего больше установить, мы вернулись к нашим спутникам на бивуак. Здесь было решено, что отборные разведчики пойдут вдоль течения ручья, чтобы исподволь, с осторожностью исследовать эту странную долину. Мы выступили, как и прежде, вшестером, оставив лошадей на привязи. Шли в полном молчании, крадучись под ивами, стараясь держаться как можно ближе к ручью; так прошли километров десять и уже очутились у самой грани барранкоса.

Здесь послышался шум, напоминающий падение воды; мы решили, что это водопад, образованный ручьем, низвергающимся в эту странную долину, которая мало-помалу открывалась нашим глазам. Догадка оправдалась. Через мгновение нам удалось вскарабкаться на вершину скалистого пика, откуда свергался поток с двухсотфутовой высоты.

Эта мощно падающая вода, наверху распушенная струйками, как лошадиный хвост, внизу разбивающаяся в клокочущей пене, а потом разлетающаяся фонтаном белоснежных брызг, переливающихся на солнце всеми цветами радуги, – была великолепным зрелищем. Да, картина была очаровательная, но взоры наши вскоре обратились к другим предметам, которые наполнили нас удивлением.

Вода, наверху распушенная струйками, как лошадиный хвост, внизу разбивающаяся в клокочущей пене, — была великолепным зрелищем

Внизу под нами, довольно далеко, простиралась цветущая долина с пышной растительностью. Эта райская ложинка имела почти овальную форму и с трех сторон была ограничена почти отвесными кручами. В длину она имела, должно быть, километров шестнадцать, а в самом широком месте – восемь. Мы стояли над верхним ее краем и, таким образом, видели ее как на ладони. По краям пропасти деревья росли почти горизонтально; иные из них касались верхушками земли: это были кедры и сосны. Здесь же мы заметили большие ветви колючих кактусов, которые торчали из расщелин. Дальше росли пышные клены, как раз против кручи; их пурпурные листья были особенно приятны в соседстве с зелено-коричневой листвой кедров и кактусами¹⁷. Иные из этих растений занесло на самую вышку над зияющей пропастью. На склонах этой возвышенности все было строго, мрачно и величаво.

Но до чего менялся пейзаж, если поглядеть вниз: там все нежилось, играло и улыбалось. На обширных лесных участках густые навесы листвы словно ковром одевали почву; то здесь, то там в редкие просветы сквозила яркая зелень лужаек. Листва была расцвечена всеми оттенками поздней осени: желтый, оранжевый, пурпурный, каштановый – и все переливы от зеленого до белого были пышно разбросаны, как шерстяные цветы на гобелене¹⁸.

В центре долины сверкало прозрачное озеро, чистое, как хрусталь, и гладкое, как зеркало. Солнце стояло в зените, и лучи его, отражаясь на поверхности озера, придавали ему вид листа золоченой бумаги. Границы озера были трудноразличимы, так как их скрывала густая листва; но дымок, обративший на себя наше внимание, как легко было заметить, поднимался с восточного берега.

Мы вернулись к стоянке, где оставили наших товарищей. Решено было тотчас седлать лошадей и ехать к барранкосу, чтобы выбрать удобное место для спуска. Где-нибудь, разумеется, этот спуск существует: ведь спустились же к озеру люди, которые развели там огонь.

Оставив на бивуаке мексиканцев с мулами, мы оседлали коней и отправились в путь. Ехали мы к западу, стараясь приблизиться незамеченными и своевременно определить людей, с которыми нам суждено встретиться.

Как раз напротив того места, откуда поднимался дымок, мы сделали передышку, и двое из нас, спешившись, подкрались к краю пропасти, прячась за кустарником, который рос над обрывом.

Наконец-то удалось установить, что происходит внизу. Открытие это нас ошеломило: до того неожиданная и своеобразная картина открылась перед нами.

На другом берегу озера, метрах в ста восьмидесяти от воды, стоял хороший изящный дом и домик поменьше в небольшом от него расстоянии; обе постройки были обнесены изгородью.

Большое пространство орошенной земли было разбито на участки, возделанные поля и пастбища. Все вместе как нельзя более походило на ферму с конюшнями, жилым домом, палисадником, лужайками, где пасутся лошади и скот. Издали невозможно было определить, что за животные пасутся внизу, но, во всяком случае, они были различных пород: одни рыжие, другие белые и пятнистые.

Видны были мужчины и четверо детей, резвившихся в ограде; на пороге стояла женщина. Нельзя было сказать с достоверностью, что это – белые; но никто из нас не верил, что это индейцы, так как индейцы никогда не воздвигли бы подобного жилья.

Вот какое неожиданное и очаровательное зрелище открылось нашим взорам. Кто мог предвидеть его в бесплодной пустыне! Мы решили продвинуться еще дальше, чтобы найти наконец спуск к необычайному оазису. Заметив какую-то впадину в почве в верхней части долины, мы направились к ней. Пройдя несколько миль, мы достигли места, откуда свергался ключ, устремляясь на запад. Это была именно та дорога, которую мы искали. Тропа тянулась вдоль ручья и как бы кружила над пропастью. По ней с трудом могла проехать повозка, но для пешего спуска она годилась. Мы, не колеблясь, доверились ей.

Глава IV. Странная ферма

Эта тропинка, протоптанная вдоль ручья, вывела нас в глубину долины. Отсюда уже легко было добраться до озера, у берегов которого стояло странное жилье. Нас удивили разнообразие древесных пород в этих рощах и еще больше пестрота красивых птиц, порхавших в листве.

Мы находились в виду самого озера, рядом с прогалиной, на которой стоял дом. Осторожность предписывала нам не продвигаться дальше без предварительной разведки.

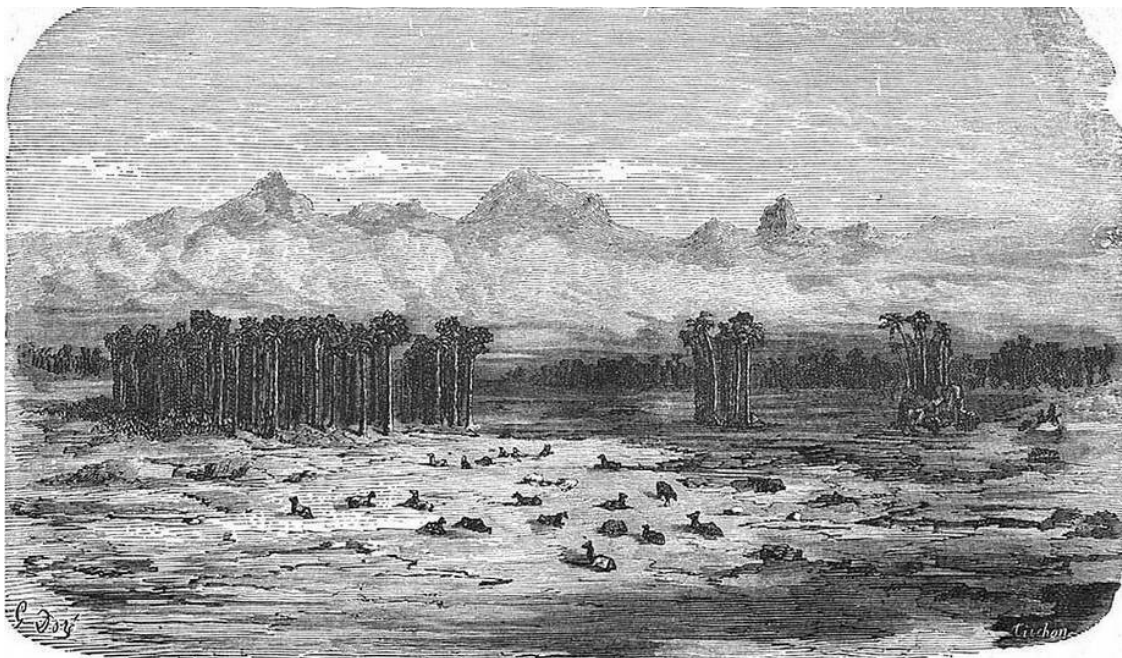
Спешившись, мы с одним из моих товарищей забились в гущу кустарников, откуда можно было беспрепятственно разглядеть всю «ферму» с окружающими ее полями.

Это был прочно сложенный бревенчатый дом, какие часто встречаются в западных штатах Северной Америки. С одной стороны к нему примыкал сад, окруженный возделанными полями. Предположения наши оправдались: в посевах на одном из участков мы признали маис – так называемую индейскую пшеницу, а на другом – пшеницу¹⁹.

Но больше всего нас поразило необычайное разнообразие животных внутри изгороди. На первый взгляд казалось, что это обычные домашние животные, каких мы видим на любой американской или английской ферме, то есть лошади, крупный рогатый скот, бараны, козы, свиньи и домашняя птица; но, присмотревшись внимательнее, мы нашли только одну породу, более или менее совпадавшую с только что перечисленными, если не считать лошадей, да и лошади эти были какие-то низкорослые и пятнистые, как легавые собаки. Это были мустанги – дикие лошади прерий.

Черные животные, которых мы приняли за быков, оказались бизонами²⁰.

Бизоны, мирно пасущиеся на лугах, не обращали ни малейшего внимания на человеческие существа, на детей, которые резвились с криками радости!..

Оазис в долине

Еще того лучше: пара животных, впряженная в плуг, оказалась той же породы – два крупных бизона работали с кротостью послушных быков.

Но другие экземпляры, еще более крупные, привлекли наше внимание. Их было несколько, и они спокойно купались в озере; их громадные тела и разветвленные рога отражались в озерной глади, как в зеркале.

Далее мы узнали большого американского лося²¹, различные породы оленей, антилоп с короткими и вилкообразными рогами; мы увидели каких-то других животных того же размера, но с большими загнутыми, как у баранов, рогами; другие походили на козлов или баранов; некоторые, бесхвостые, – на свиней, иные – на лисиц, собак. Разная домашняя птица хлопала крыльями, кудахта у дверей; между прочим большой и стройный дикий индюк. Все вместе носило характер зоологического сада или зверинца.

Теперь перейдем к людям: один из них, высокий и цветущий человек, был, несомненно, белый; другой – маленький, тучный негр. Он шел за плугом. Около женщины, сидевшей с рукодельем на пороге, мы увидели двух юношей и двух девочек-подростков; это были, очевидно, ее дети.

Но больше всего удивило меня и моего спутника то, что происходило у крыльца, на котором сидела женщина: два больших черных медведя, без цепей, без ошейников, играли друг с другом; животные меньшего размера, которых сначала мы приняли за собак, оказались волками: пушистые хвосты, острые мордочки, маленькие короткие уши торчком! Это была порода, встречающаяся в индейских прериях; их было с полдюжины.

Но вообразите наш ужас, когда мы увидели под крыльцом двух зверей с рыжей шерстью, круглыми головами и ушами; они напоминали кошек, но тупые черные морды, белые пятна на груди и рыжая шерсть недвусмысленно говорили о том, кто они на самом деле.

– Пантеры, – прошептал мой спутник, тяжело дыша и недоуменно на меня поглядывая.

Да, это были пантеры, вернее, кугуары, *Felis concolor*, как их называют натуралисты, – «львы» американской пустыни²².

Посреди этих диких зверей две девочки расхаживали свободно и непринужденно, обращая на зверинец так же мало внимания, как и звери на них. Невольно припомнился сочиненный поэтами «золотой век» – лев, мирно отдыхающий возле ягненка.

Но мы уже достаточно надивились и, вполне удовлетворенные, вернулись к товарищам.

Через пять минут вся наша группа направлялась к странной ферме.

Внезапное наше появление всех ошарашило: люди кричали, лошади ржали, собаки выли и лаяли, даже домашняя птица разволновалась. Вне всякого сомнения, нас приняли за индейцев, однако мы не замедлили объяснить, кто мы такие.

Выслушав наши объяснения, белый человек самым вежливым образом пригласил нас слезть с коней и воспользоваться его гостеприимством. Он тотчас же распорядился, чтобы гостям приготовили обед, и, предложив нам отвести лошадей в конюшню, подбросил им корм. Ему помогли негр и двое юношей – сыновья фермера.

Мы все еще не могли оправиться от изумления. Все, что мы видели, было странно, необъяснимо. Звери, которых мы привыкли видеть лишь за решеткой зверинца, были ручными и кроткими, как скот на ферме; на каждом шагу мы открывали новые породы.

Множество растений росло в саду и на полях; дикий виноград обвивал стены, желтая пшеница наполняла ясли; реяли ласточки, голубые сойки, хлопали крыльями попугаи. Все это было очень любопытно.

Около часа мы бродили по усадьбе, присматриваясь к ее чудесам; наконец нас позвали обедать.

– Прошу вас, джентльмены, – произнес хозяин, указывая на дом.

Мы вошли и усадились за большой круглый стол, на котором дымились весьма аппетитные блюда. Некоторые из них нам были хорошо знакомы, с другими мы сталкивались впервые. Тут была ломтями нарезанная дичь, буйволовые языки, бизоньи котлеты – разумеется,

из филейной части бизона, яйца дикой индейки всмятку и в виде омлета, хлеб, масло и сыр. Все подстрекало наш аппетит, который, по правде сказать, и не нуждался в возбудителях. Мы изнывали от голода, с утра ничего не евши.

На очаге закипал большой котел. Что могло в нем быть? Во всяком случае, не чай и не кофе. Вскоре любопытство наше было удовлетворено.

Перед нами поставили чашки с дымящимся горячим напитком, и мы нашли его необычайно вкусным и подкрепляющим: это был чай из корешков сассафраса²³ с кленовым сахаром, а сливок было подано к нему вдоволь. Мы быстро к нему приохотились, найдя, что он ничуть не хуже настоящего китайского чая.

За обедом мы украдкой разглядывали странные предметы окружающей обстановки. Мебель была простая и грубая и, по всей вероятности, самодельная. Посуда различной формы, из разнообразного материала. Здесь были кубки, стаканы и чашки, выдолбленные из дерева и тыквы; были тарелки и кувшины, выточенные из дерева, и очень много гончарной посуды красного обжига, самых различных форм и размеров: суповые миски, ковши, кувшины и так далее.

Стулья были неуклюжие, но великолепно пригнанные, почти все обитые сыромятной кожей, с откидными спинками, что сообщало им удобство. Стулья полегче, с сиденьями, сплетенными из пальмовых листьев, служили, очевидно, для мебелировки внутренних комнат.

Стены были лишены всякого убранства, если не считать кое-каких диковинных произведений долины: чучела птиц с радужно-ярким оперением, оленьи рога и тщательно отлакированные брони двух-трех земляных черепах. Ни зеркал, ни картин, ни книг... за исключением одного фолианта, переплетенного в кожу антилопы и лежавшего на особом столике. Я заглянул в него: книга оказалась Библией. Как видно, хозяин был не охотник до веселого и разнообразного чтения.

Вся семья, во главе с отцом, была в сборе. Мы познакомились с ней еще до обеда, когда все сбежались нас приветствовать. Но до чего мы изумились, прислушавшись к детскому разговору: казалось, что мы – первые люди, которых они видят за десять лет.

Дети были жизнерадостные, пышущие здоровьем крепыши. Два мальчика, которых родители звали Франком и Генри, и две девочки; одна из них очень смуглая, маленькая брюнетка, с личиком испанского типа, другая – белокурая, полная противоположность сестре. У миниатюрной блондинки были чудесные золотые локоны, голубые глаза и длинные черные ресницы. Ее звали Марией, а сестру – Луизой. Сестры были очень красивы и непохожи друг на друга. Самое странное было то, что они являлись однолетками. Мальчиков тоже можно было назвать близнецами: они были одного роста и сложения, но значительно старше сестер. Я бы дал им лет восемнадцать; кто из них старше, можно было лишь гадать. Курчавый, белокурый Генри с мужественным и коричнево-смуглым лицом походил на отца; его черно-волосый брат был копией матери. Женщина была не старше тридцати пяти лет и выглядела молодожавой.

Сам хозяин, мужчина лет сорока, рослый и широкоплечий, с румянцем во всю щеку и чуть седеющими, когда-то густыми и вьющимися русыми волосами. Он не носил ни усов, ни бороды; подбородок его хранил следы ежедневного прикосновения бритвы. Во всех его движениях чувствовался человек, который привык следить за собой и хочет быть корректным. Несомненно, мы имели дело с джентльменом, а с первых же слов застольной беседы выяснилось, что хозяин наш – человек образованный.

Одежда этой семьи была чрезвычайно разнообразна: глава семейства был одет в охотничью фуфайку и высокие ботфорты из дубленой оленьей кожи, похожие на обыкновенные охотничьи сапоги. Костюм мальчиков смахивал на отцовский, но под куртками у них были надеты рубашки из домотканого холста. Женщина и девочки были в просторных платьях из

того же холста, отороченных кожей, тонко выделанной и нежной, как перчаточная замша. Присмотревшись к разбросанным шляпам, я заметил, что они искусно сработаны из пальмовых листьев.

Покуда мы сидели за столом, негр то и дело появлялся в дверях и рассматривал нас, с любопытством заглядывая в комнату. Это был крепкий приземистый человечек, черный как смоль, лет под сорок. Я обратил внимание на его курчавую, лоснящуюся, с бесчисленными шерстяными завитками шевелюру, словно баранья шапка, надетая на голову. Зубы у него были большие и белые; он их скалил каждый раз, когда улыбался, а улыбка у него не сходила с лица. Было что-то неизъяснимо приятное в блеске его глубоких черных глаз, подвижных и выразительных, которые ни минуты не оставались в покое; он вращал белками, причем морщился его приплюснутый нос.

– Куджо, прогони зверей, вернее, одну только «лэди», – сказала хозяйка, указывая на волчицу, заслужившую такое прозвище благодаря своему изяществу.

Приказание это – или, вернее, просьба, потому что хозяйка обратилась к негру очень ласково, – было немедленно исполнено. Куджо ринулся в столовую и в несколько мгновений разогнал не только волков, но и пантер, и всех других животных, которые ластились к нашим ногам, внушая некоторый страх моим товарищам.

Все это показалось нам настолько странным, что мы не сочли нужным скрыть свое удивление. После обеда мы обратились к хозяину с просьбой разъяснить, что все это означает.

– Погодите до вечера, – сказал он. – Я расскажу вам свою историю, когда мы усядемся вокруг очага; пока что вы нуждаетесь еще в другом подкреплении: отправляйтесь на озеро и купайтесь; солнце стоит высоко, жара нестерпимая – купанье вас окончательно освежит и смоет дорожную усталость.

Мы последовали его совету; затем некоторые из нас вернулись к подошве горы, где мы оставили мулов под охраной проводников-мексиканцев, а другие пошли бродить по полям, на каждом шагу удивляясь диковинным открытиям.

Наконец наступил вечер. После великолепного ужина мы уселись вокруг пылающего очага, чтобы выслушать странную историю Роберта Ролфа: так звали нашего хозяина.

Глава V. Ролф начинает свою историю

– Друзья мои, не будучи американским уроженцем, я все же англосакс – вам брат по крови. Родился в Англии, в одном из южных графств. Сейчас мне сорок лет.

Отец мой был земледелец и сам обрабатывал свой участок земли; он заслужил репутацию прекрасного фермера.

К несчастью для него, он был более честолюбив и предприимчив, чем это разрешалось обстоятельствами скромному английскому фермеру: он крепко вбил себе в голову, что единственный его сын должен стать джентльменом в полном смысле этого слова, получить дорогостоящее городское воспитание, приобрести изящные манеры и развитые вкусы – разорительные для фермерского сына.

Считайте это с его стороны неблагоприятным, если вам хочется, но у меня нет никаких оснований жаловаться на щедрость отца, вызванную его исключительным ко мне пристрастием.

Меня послали в школу, где я учился вместе с детьми зажиточных аристократов. Обучили меня танцам, фехтованию и спорту, разрешали тратить деньги, сколько душе угодно, и оплачивать шампанское на товарищеских попойках. По окончании колледжа меня послали путешествовать. Я посетил прибрежные края, Италию и Францию и в Англию вернулся через несколько лет, как раз вовремя, чтобы застать отца в живых.

Я оказался наследником довольно значительного для фермера состояния и вскоре превратил его в наличные деньги. Меня соблазняло пожить в Лондоне и подышать тем беспечным воздухом, к которому привыкли мои товарищи по колледжу. Они меня встретили с распростертыми объятиями, охотно черпая в моем кошельке; но время шло, и близилось разорение.

– Вот кто меня спас, – произнес наш хозяин, указывая на жену, сидевшую вместе с детьми под навесом громадного очага.

Женщина подняла глаза и улыбнулась, а дети, внимательно следившие за отцовским рассказом, потянулись к ней.

– Да, – продолжал Роберт Ролф, – Мария меня спасла. Мы с ней – товарищи детства, и случай свел нас в Лондоне. Старая дружба сменилась любовью; мы поженились.

К счастью для меня, рассеянная светская жизнь не поколебала во мне нравственных устоев: я все же остался человеком, знающим цену труда и борьбы.

Женившись, я твердо решил изменить образ жизни; но это было не так легко, как вам кажется. Требовалось громадное усилие воли, чтоб оторваться от мнимых друзей, от лицемерных прихлебателей, которые с корыстной целью поощряли мое желание корчить из себя светского «льва». Но решение мое было твердым, и с помощью Марии я не замедлил его осуществить.

Чтоб расплатиться с долгами, пришлось продать отцовскую ферму. После оплаты векселей у меня очутилось на руках около пятисот фунтов.

Жена принесла мне около двух с половиною тысяч фунтов; таким образом, для начала новой жизни у нас скопилось тысячи три: сумма, недостаточная для того, чтобы продолжать в Англии прежний безумный образ жизни. Несколько лет я убил на бесплодные попытки округлить свое состояние, и в результате, после ряда неудачных сельскохозяйственных спекуляций, капитал мой свелся к двум тысячам.

Я слышал, что на эти деньги можно обзавестись в Америке землей и поставить хозяйство. Желая обеспечить будущее семьи, я переправился с женой и детьми в Нью-Йорк.

Вскоре судьба столкнула меня с человеком, который научил меня, как нужно приняться за дело, чтоб преуспеть по ту сторону океана.

Меня всегда влекло к сельскому хозяйству, и советчик мой поощрил меня в этом смысле. Однако он дал мне понять, что будет легкомыслием вложить сразу весь капитал в необработанную девственную землю и что по неопытности своей я могу потратить на обработку и подготовку земли больше, чем она того стоит.

– Я бы вам посоветовал, – сказал мой новый знакомец, – купить уже возделанный и огороженный участок с хорошим домом, чтобы немедленно в него въехать.

Благоразумные доводы меня убедили, но хватит ли денег на покупку? Бывалый человек заявил, что хватит, и, кроме того, прибавил, что знает ферму в штате Вирджиния²⁴, – плантацию, как он ее назвал, которая мне отлично подойдет и оценена всего в пятьсот фунтов. Свободные деньги я могу истратить на обзаведение.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что упомянутая плантация принадлежит ему самому. Тем лучше, решил я, и сделка вскоре состоялась.

Я отправился на новоселье.

Глава VI. Плантация в штате Вирджиния

Ферма оказалась именно такой, какой он ее описывал: обширная плантация с хорошим деревянным домом и полями, обнесенными крепкой оградой. Я тотчас же приступил к устройству фермы с оставшимися деньгами. Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что большую часть денег придется потратить на покупку рабов²⁵. Так или иначе, пришлось примириться с необходимостью покупки или найма рабов, что одинаково мне претило.

Успокоив себя тем, что я буду обращаться с рабами несравненно человечнее, чем другие плантаторы, я выбрал первый исход: купил несколько чернокожих мужчин и женщин и зажил плантатором. Почти лишенный оборотных средств, я вряд ли мог быстро разбогатеть, и дела мои, как вы увидите дальше, пошли неважно.

Первый урожай меня обманул: я едва выручил семена. Второй оказался и того хуже, и, к великому моему отчаянию, я понял причину повторных неудач: мне подсунули истощенную плантацию. Почва была, по-видимому, неплохая, и всякий неопытный человек назвал бы ее плодородной. Помню, как я сам вначале радовался своей покупке, считая, что заключил очень выгодную сделку, выложив так мало денег; но внешность часто бывает обманчива, и ничто не сравнится с разочарованием, которое принесла мне прекрасная плантация в штате Вирджиния. Она ровно ничего не стоила. В течение многих лет с нее снимали урожаи маиса, табака и собирали шелк. Земля покорно давала все эти плоды, не получая взамен ни одной крупицы удобрения, столь необходимого для поддержания ее производительной силы²⁶.

Итак, в первые два года я терпел неурожаи или же снимал очень плохую жатву. На третий год пошло еще хуже, если вообще могло быть хуже; четвертый и пятый не принесли никакого улучшения. Прибавлю, что к тому времени я стоял на грани банкротства. Прокорм и содержание моих бедных чернокожих весьма чувствительно отражались на сумме моих долгов. Нельзя было дольше оставаться на бесплодной плантации. Чтобы расплатиться с долгами, я был вынужден продать все: и ферму, и скот, и негров. Однако не все было продано.

Был среди чернокожих один добродушный парень, к которому мы с Марией сердечно привязались. Мне было жалко отдавать его под бич другого плантатора. Работником он был отличным. Между прочим, он первый раскрыл мне глаза на мошенничество бывшего владельца фермы. Сочувствуя моему горю, он изо всех сил, подавая пример товарищам, старался извлечь плоды из неблагодарной почвы, и бедняга долго и напрасно трудился. Решив вознаградить его за преданность, я отпустил его на волю. Однако он не ушел, чтоб не разлучаться с нами. Как видите, он здесь.

С этими словами рассказчик показал на Куджо, который неподвижно стоял в дверях и, широко осклабившись, слушал похвалы, расточаемые ему плантатором.

Ролф продолжал:

– После распродажи и расплаты с долгами у меня осталось не более четырехсот фунтов. Ценой потери я приобрел все же некоторый опыт и принял решение отправиться на запад, чтобы осесть в большой долине Миссисипи. Я знал, что при дешевизне земельных угодий в этой стране мне удастся приобрести довольно крупный участок, покрытый, конечно, лесом.

В ту пору внимание мое было приковано довольно трескучими объявлениями, мелькавшими в газетах.

В них рассказывалось о новом городе, который воздвигался в месте слияния Огайо и Миссисипи. Город этот был назван Каиро, и благодаря своему наивыгоднейшему положению

нию, на стыке двух важнейших водных путей страны, он должен был стать в самое короткое время одним из цветущих городов Америки²⁷.

Так возвещали рекламы. В проспектах изображался план нового города с театрами, набережными, публичными зданиями и церквями всевозможных культов. Была объявлена продажа паев с правом на небольшой участок земли в окрестностях города, дабы жители его могли совместить занятия коммерцией и промышленностью с земледельческими трудами. Я не ел, не пил и не спал, пока не купил наконец акционерного пая и небольшой фермы в окрестностях.

Заклучив сделку, я тотчас же выехал с женою и детьми, чтобы вступить во владение покупкой. Детей у меня тогда было трое; двое старших были близнецы-девятилетки. Так как в Вирджинию возвращаться я не собирался, Куджо, связавший свою судьбу с нашей, последовал с нами на Дальний Запад.

Мы проделали долгий томительный путь; но все испытания его были ничем в сравнении с тем, что ожидало нас по прибытии в Каиро.

Там стоял в великолепном одиночестве один-единственный дом, выстроенный на единственном клочке осушенной земли, окруженной болотами. Почти весь грунт, назначенный под город, находился под водой, участки, не залитые водой, представляли собой топи, заросшие тростниками.

Никакого намека на театры, церкви, окружный суд и каменную набережную... Ничего похожего на рекламные посулы. Правда, чтоб огородить единственный каирский дом от разлива воды, была воздвигнута плотина, а дом этот оказался весьма подозрительной харчевней.

Делать было нечего. Оставив семью в гостинице, я отправился на поиски моего «городского» участка. Хваленый земельный пай оказался болотом, в котором я увязал по колено. Что же касается «фермы», то для посещения ее пришлось раздобыть лодку, и, поплавав вдоль и поперек моей земельной собственности, я вернулся домой разочарованный и подавленный, не прикоснувшись даже веслом к земле.

С первым же пароходом мы выехали в Сент-Луис. Земельный пай и ферма были проданы за смехотворную цену.

Стоит ли вам рассказывать, как я был удручен. Сердце обливалось кровью, когда я вспоминал все свои злоключения и думал о будущем, ожидающем жену и детей. Я бы горько проклял Америку и всех американцев, но в проклятиях не было проку. К тому же мне не на кого было обижаться. Два раза кряду меня, правда, гнусно обманули, но разве то же самое не могло случиться у нас на родине, в благословенной старой Англии? Разве друзья мои, молодые светские щеголи, поступили со мной лучше? Американцы дважды меня ограбили; но пенять я должен на свою неопытность, результат поверхностного воспитания: так же точно меня бы надули при покупке коня в Татарсале или же в Пиккадилли, подсунув мне негодный чай. Но кто же был виноват, что я ничего не смыслил в товаре!

Глава VII. Караван

В Сент-Луис мы добрались с какой-нибудь сотней фунтов, и, так как работы я сразу не нашел, эта сумма быстро растаяла.

Тем временем в нашей гостинице остановился какой-то молодой шотландец. Подобно мне, он был в Сент-Луисе чужестранцем и считал себя выходцем из метрополии. Вскоре мы познакомились и, разумеется, поделились своим опытом. Я пожаловался ему на свои невзгоды в Вирджинии и в Каиро, и мне показалось, что собеседник настроен сочувственно. Он, в свою очередь, распространился о своем прошлом и некоторых планах на будущее.

Несколько лет он проработал на медных рудниках в глубине Великой Северо-Американской пустыни, в горах, называемых Лос-Мимбрес, к западу от реки Рио-Гранде-дель-Норте.

Странный народ эти шотландцы. Их всего горсточка, но они проникают во все концы земного шара; где угодно вы найдете шотландца, и всегда притом занимающего важный пост, делающего карьеру, преуспевающего, но все же не порвавшего связи с родиной.

Шотландец, встреченный мною в Сент-Луисе, ездил зачем-то в Соединенные Штаты и теперь возвращался на свои рудники через Сент-Луис и Санта-Фе. С ним была жена, молодая красивая мексиканка, и единственный их ребенок. Они поджидали небольшого испанского каравана, который направлялся в Санта-Фе, и были намерены к нему присоединиться для безопасности, так как индейцы нередко тревожили путешественников.

Ознакомившись с состоянием моих дел, он предложил мне ехать с ним вместе, посулив доходное место на руднике, полномочным директором которого он состоял.

Глубоко разочарованный в чистокровных янки, я с радостью принял его предложение и, поручив себя высокому покровительству шотландского дельца, начал собираться в дорогу.

На последние деньги я сумел прилично одеться, купил повозку с парой выносливых быков для жены и детей и запаса провизией для путешествия.

Кучера нанимать мне не пришлось, так как Куджо неизменно нам сопутствовал и с быками он мог управиться, как никто. Для себя я купил лошадь, карабин и целый ряд вещей, необходимых для путешествия в прерии. У сыновей моих Генри и Франка были два небольших карабина, приобретенные еще в Вирджинии, и Генри трогательно гордился настоящим огнестрельным оружием.

Закончив сборы, мы углубились в дикие прерии.

Наш караван был маленький; большой караван, ежегодно проходящий тропой на Санта-Фе, отправился тремя неделями раньше. Нас было человек двадцать с десятком фургонов. Попутчики мои почти все были мексиканцы и возвращались из Соединенных Штатов с артиллерийскими орудиями, которые были заказаны губернатором Санта-Фе. Они везли пушку и две бронзовых мортиры с лафетами и зарядными ящиками.

Не стоит вам подробно описывать все превратности долгого пути по обширным равнинам, с переправами через великие реки, протекающие между Сент-Луисом и Санта-Фе. В прериях мы столкнулись с индейским племенем паупн, а на берегу Арканзаса – с маленьким кланом чейен; но ни те, ни другие не причинили нам вреда. Месяца через два мы свернули с дороги, облюбованной коммерсантами, и, во избежание встречи с индейцами аррапао, пошли вдоль реки Канадирна и переправились на ее правый берег.

Вскоре выяснилось, что мы углубились в подозрительную и опасную область. Продвигались мы крайне медленно. Трава, по которой мы шли, то и дело пересекалась «арройо-сами», тянувшимися к реке. Большинство этих балок образовывали глубокие, хотя и совершенно просохшие, рвы, и нам приходилось ежеминутно останавливаться, наводить подобие понтонного моста для перевозки фургонов.

В одну из таких переправ сломалась ось у моей повозки. Мы с Куджо распрягли быков. Караван обогнал меня и проследовал дальше. Приятель мой, молодой шотландец, заметив, что у нас что-то неладное, возвратился галопом и предложил остаться с нами и помочь. Я отклонил его услуги, сказав, что нагоню остальных и что, во всяком случае, наверстаю задержку к ближайшему ночному привалу. В практике караванов сплошь и рядом случается, что какой-нибудь фургон остается для починки; если он не появляется к ночной стоянке, за ним посылают наутро упряжку, чтоб выяснить причину опоздания. Зная столярные способности Куджо, я не сомневался, что к вечеру нагоню караван. Шотландец, вполне разделявший мою уверенность, простился со мной и вернулся к фургонам. Через час с помощью гвоздей и веревок мы с Куджо основательно починили ось и погнали быков вдогонку за товарищами.

Не проехали мы даже мили, как обод одного из колес, разохшийся и покособившийся вследствие жары, соскочил с места, и спицы чуть не рассыпались. Эта поломка была несравненно серьезнее, чем случай с осью.

Вначале мне пришло в голову пуститься вскачь и вернуться с подмогой; но я уже достаточно надоел в пути моим спутникам; мексиканцы роптали, что я им вообще в тягость, и раза два уже отказали мне в помощи. Правда, я мог обратиться к молодому шотландцу, но не хотелось лишний раз обязываться.

Решив управиться самостоятельно, мы с Куджо сбросили с себя одежду, чтобы ловчее было работать. Жена моя Мария, хотя и воспитанная кисейной барышней, умела приспособляться к обстоятельствам, она поощряла нас бодрыми шутками, припоминая историю с городом Каиро и подводной фермой. Нет ничего более утешительного для людей, попавших в беду, как мысль о том, что им могло бы быть еще хуже. При этой мысли мы воспрянули духом и решили добиться успеха, преодолев все трудности.

Успеха мы добились. Работая молотком и руками, мы с грехом пополам натянули обод на колесо, но эта кропотливая работа отняла так много времени, что уже совсем стемнело. Когда повозка вновь утвердилась на своей оси и готова была двинуться дальше, мы с тревогой убедились, что солнце зашло. Не зная дороги, мы не осмеливались путешествовать ночью, а так как поблизости была вода, мы сочли благоразумным дожждаться на месте утра.

Мы поднялись чуть свет. Подкрепившись завтраком, мы тронулись в путь по следам каравана. Нам показалось немного странным, что попутчики наши не провели нас за ночь, и, ежеминутно вглядываясь вдаль, мы ждали, не появится ли кто-нибудь из них, отряженный караваном.

До полудня мы никого не встретили. Местность была суровая, голая, с каменистыми пригорками и щетиной тощего кустарника.

Когда мы продвинулись достаточно далеко, со стороны гор послышался все явственней какой-то гул, сопровождаемый грохотом, напоминавшим разрыв ядра.

Что могло это значить? Мы знали, что в артиллерийских зарядных ящиках перевозились ядра; но неужели на товарищей напали индейцы? Неужели стреляли из пушек по индейцам? Нет, это невероятно. К тому же мы слышали только одиночный взрыв, тогда как при пушечной стрельбе всегда бывает двойная разрядка звука: когда ядро вылетает из жерла пушки и когда оно разрывается. Неужели нечаянно взорвался один из снарядов? Трудно поверить...

Мы остановились, прислушались, но звук не повторился. В этом томительном выжидании прошло полчаса. Наконец мы двинулись дальше, не столько обеспокоенные причиной взрыва, сколько заинтригованные тем странным обстоятельством, что никто из каравана не был послан осведомиться о нашей участи.

По-прежнему следуя по колеям фургонов, мы с раздражением убеждались, что они совершили за день огромный переход; солнце уже садилось, а до ночной стоянки каравана было еще далеко. Наконец мы добрались до нее.

Кровь стынет в жилах при воспоминании о зрелище, которое нам представилось: все фургоны были с разорванной холстиной и опрокинуты; грузы валялись на земле, тут же стояли пушки, тлели огни потухающих костров.

На земле были распростерты трупы людей и животных, а волчья стая с воем и сварой оспаривала добычу друг у друга. Часть лошадей, быков и мулов, принадлежавших каравану, валялась без признаков жизни, а остальные куда-то исчезли.

На земле были распростерты трупы людей и животных, а волчья стая с воем и сварой оспаривала добычу друг у друга

Вне всякого сомнения, спутники наши подверглись нападению диких индейцев. Мы хотели было вернуться, но передумали. Ведь мы находились в самом центре кочевья индейского племени. Если индейцы скрываются поблизости, всякое отступление бесполезно. Но, судя по тому, как трупы людей и животных были изглоданы волками, индейцы ушли довольно давно.

Оставив жену в повозке под охраной полуигрушечных карабинов Генри и Франка, я отправился с Куджо обследовать арену кровавого происшествия. Мы отогнали волков от кровавой добычи; их было не меньше пятидесяти, и держались они от нас на самом близком расстоянии. Мы нагибались к трупам, чтобы опознать товарищей, но лица их были так сильно изуродованы, что мы узнали только одного; индейцы их всех оскальпировали. Мне бросились в глаза осколки бомбы, которая разорвалась посреди стоянки и разнесла в щепы несколько фургонов. Караван наш не был коммерческим и товаров вез немного; однако индейцы похитили все, что, по их мнению, представляло какую-нибудь ценность. Вокруг были разбросаны громоздкие предметы, почти все приведенные в негодность.

Краснокожие, безусловно, отступили в беспорядке. Очевидно, их испугал взрыв ядра с его разрушительными последствиями, которые они приписали не иначе как могуществу «великого духа». Я проглядел все глаза, силясь найти моего друга, молодого шотландца, но среди мертвых его как будто не оказалось. Не было также его жены, единственной, кроме Марии, женщины в караване.

– Несомненно, – заметил я Куджо, – они увели ее живой.

В это мгновение собаки яростно залаяли, а волки в ответ им завыли, словно между ними завязалась стычка. Шум исходил из кустарников поблизости от стоянки. Мы знали, что владелец рудника захватил двух больших собак из Сент-Луиса. Лаяли, безусловно, они. Мы побежали к кустарникам и раздвинули заросли. Продвигаясь по направлению шума, мы обнаружили двух больших окровавленных псов, которые отчаянно отбивались от нескольких волков, не подпуская их к чему-то черному, что лежало в кустах. Это была женщина. Прелестный ребенок обвивал ее шею, испуская вопли ужаса. В одно мгновение мы убедились, что женщина мертва...

Но здесь рассказ нашего хозяина был внезапно прерван.

Мак-Кнайд, один из участников нашего каравана, с напряженнейшим вниманием следивший за нашим рассказом, вскочил и закричал:

– Жена моя! Несчастливая жена!.. Ролф, Ролф! Неужто вы меня не узнаете?..

– Мак-Кнайд? – с удивлением отозвался Ролф. – Мак-Кнайд? Клянусь, что это он!

– Жена, несчастная жена!.. – захлебывался Мак-Кнайд. – Я знал, что они ее убили. Позже я нашел ее останки... Но ребенок... Ролф, скажите, что случилось с дочкой?

– Дочь ваша здесь, – ответил хозяин, указывая на черноволосую девочку.

И в то же мгновение шотландец схватил Луизу и осыпал ее поцелуями.

Глава VIII. Рассказ Мак-Кнайда

Трудно вам описать возбуждение, которое поднялось после этой неожиданной встречи. Вся семья всполошилась, все говорили одновременно и, чуть не плача, теснились вокруг Луизы, словно боялись ее потерять. Это опасение, несомненно, возникло в сознании детей, которые вдруг поняли, что девочка им не сестра. Они привыкли считать ее родной сестрой, и Генри, души в ней не чаявший, называл ее черной сестричкой, в отличие от «белянки» Марии.

В центре взволнованной группы стояла черноволосая девочка, потрясенная не меньше остальных, но от природы более сдержанная и отличавшаяся самообладанием.

Коммерсанты и охотники поднялись, поздравляя Мак-Кнайда со счастливой находкой. Они пожимали руку хозяину и его жене, припоминая то, что им приходилось слышать о страшном убийстве в прерии. Старый Куджо прыгал и кувыркался, подхлестывая пантер и собак-волков, и даже звери были с какой-то дикой радостью. Хозяин удалился в соседнюю комнату и принес большой глиняный кувшин. Поставили чашки и предложили нам отведать какого-то красного напитка. Каково же было наше удивление, когда, пригубив его, мы обнаружили, что это было вино. Подумайте только – вино в пустыне! И даже превосходное вино. Хозяин нам объяснил, что оно выжато на плантации из гроздьев дикой изабеллы, которой изобилует долина.

Когда мы выпили по чашке и уселись, Мак-Кнайд по просьбе Ролфа досказал свою историю, ибо все мы горели нетерпением узнать, каким образом он вырвался из рук индейцев в ту ужасную ночь. Рассказ его был краток:

– Расставшись с вами, – начал он, обращаясь к Ролфу, – в том месте, где сломалась ваша повозка, я погнал лошадь галопом и вернулся к каравану. Дорога, как вы помните, была здесь ровная и легкая, и, так как для стоянки следовало выбрать место где-нибудь у подошвы холма, мы шли по направлению к возвышенностям не останавливаясь. Солнце уже садилось, когда мы достигли ручья, где вы застали опрокинутые фургоны.

Здесь мы разбили лагерь. Вас я не ожидал раньше, чем через два часа, рассчитывая, что никак не меньше времени уйдет на починку сломанной оси. Мы развели костры, чтоб приготовить ужин. Подкрепившись, мы уселись вокруг пылающего хвороста, болтая и покуривая.

Так как никто из нас не предполагал, что вблизи могут быть индейцы, дозорных мы не выставили. Дело шло к ночи, и я уже начинал о вас беспокоиться, думая, что вы собьетесь ночью с нашей колеи. Жену с дочкой я оставил у огня, а сам поднялся на холм, откуда мог обозреть предстоящую вам дорогу. Однако в темноте я ничего не увидел. Несколько минут я простоял, ожидая, не послышится ли скрип колес или звук вашего голоса; но внезапно я уловил протяжный вой и с тягостным предчувствием вернулся к стоянке.

Я узнал боевой клич племени аррапао.

В темноте мелькали индейцы и мерцали огни.

Я слышал стоны, смешанные с торжествующими воплями, мольбы и проклятия, и в этом хаосе выделялся голос жены, призывавшей меня.

Ни минуты не колеблясь, я сбежал с холма и бросился в самую гущу свалки. Единственным моим оружием был большой охотничий нож, и я раздавал им удары направо и налево. Я отрывался от борьбы лишь для поисков жены: я искал ее в фургонах и по всей стоянке, громко клича ее по имени; но она не отзывалась. Видно, не суждено нам было встретиться. Я вновь очутился лицом к лицу с краснокожими и сражался с героизмом отчаяния. Большинство моих спутников были умерщвлены, какой-то индеец ранил меня томагавком в бедро; я рухнул наземь, увлекая за собой индейца; но не успел он вскочить, как я уложил его на месте ножом.

Вскочив на ноги, я умудрился извлечь из раны железное лезвие. Свалка вокруг костров затихала. Уверенный в гибели моих спутников, а также жены и дочери, я покинул поле сражения и углубился в чащу кустарника. Не прошел я и трехсот шагов, как снова свалился, обессиленный потерей крови и жгучей болью.

Я дополз до скалистой гряды, из последних сил вскарабкался на гребень утеса, но, когда я свесился вниз и заглянул в глубокую лощину, на дне которой зияла пещера, голова у меня закружилась, и я чуть не лишился сознания. Однако, взяв себя в руки, я спустился по уступам и спрятался на дне лощины, в каменном погребке. Не понимаю, как дополз я до этого места; здесь со мною случился обморок.

Так пролежал я несколько часов. Когда я очнулся, в моем логове уже брезжил день. От слабости я не мог шелохнуться. Взгляд мой упал на рану: она была не перевязана, но кровь остановилась. Я разорвал свою рубашку и как можно бережнее сделал перевязку. Затем я подполз к выходу из пещеры и внимательно прислушался. Мне смутно почудились голоса индейцев, долетавшие с нашей стоянки. Этот приглушенный говор продолжался час или два.

Но внезапно страшный взрыв потряс скалы: несомненно, взорвался один из снарядов. Затем раздались крики ужаса, послышался конский топот, и все умолкло.

Для меня было ясно, что индейцы покинули место взрыва, но я не отдавал себе отчета во всем происшедшем. Только позже событие разъяснилось: индейцы бросили пушечное ядро в костер – фитиль воспламенился, порох взорвался, и осколки ранили нескольких краснокожих. Подобрав наспех наиболее соблазнительные предметы из добычи, они вскочили на коней и умчались галопом.

Но с наступлением ночи вновь послышался гул со стороны лагеря, и я заключил, что индейцы вернулись.

Когда совсем стемнело, я попробовал выползти наружу, но сил еще не хватало; пришлось протерпеть всю ночь, сильно мучаясь раной и слушая завывания волков. На рассвете все успокоилось. У входа в мое логово я заметил дерево, хорошо знакомое нашим рудокопам. Это была разновидность сосны, которую мексиканцы называют пиньоно, чьи конические шишки служат пищей тысячам краснокожих, блуждающих в западной части Великой пустыни, по Скалистым горам и в Калифорнии. Лишь бы мне доползти до этого дерева – и я смогу утолить свой голод! Надежда придала мне бодрости, и я пополз. До сосны было шагов двадцать, но я настолько обессилен, и рана горела так мучительно, что я потратил на этот путь целых полчаса. К великой моей радости, шишек оказалось сколько угодно. Я набрал их, очистил от скорлупок и, добравшись до орешков, отшелушил их и насытился мякотью.

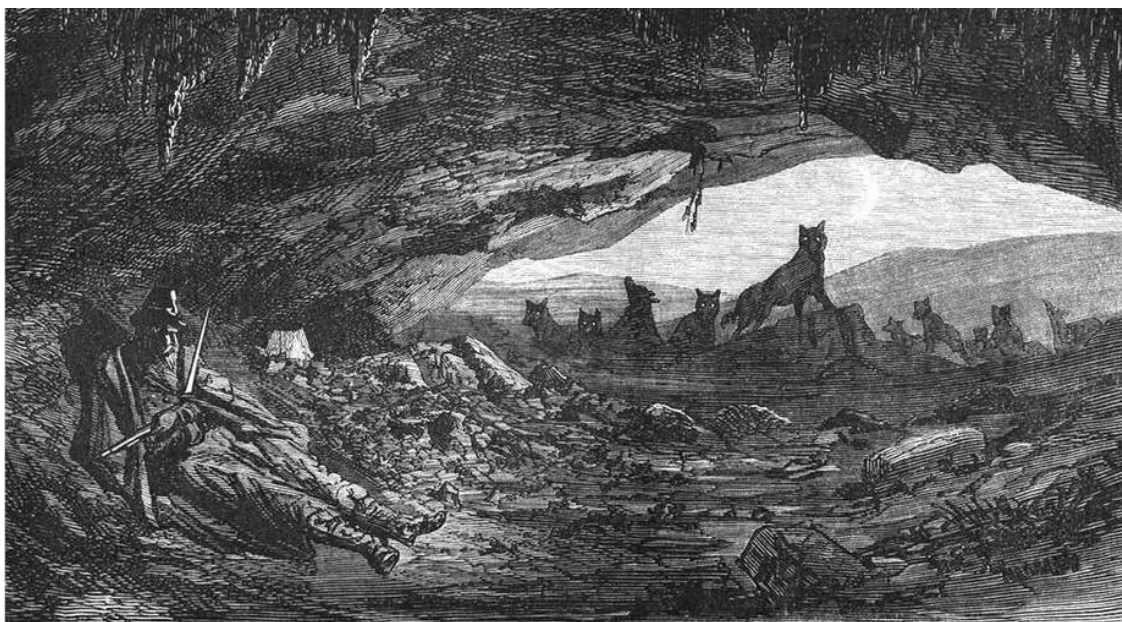
Теперь заговорила другая, не менее острая потребность: я умирал от жажды. Сумею ли я доползти до стоянки? Судя по расположению лощины, воды вблизи не было; приходилось покинуть эти места или умереть. Подстрекаемый этой мыслью, я предпринял труднейшее путешествие в триста шагов. Но едва я продрался на шесть шагов сквозь заросли, как пачка белых цветов привлекла мое внимание. Это была великолепная лиония, один вид которой наполнил меня ликованием. Я подкрался к дереву, пригнул к себе ветку пониже и, очистив ее от полосатых листьев, начал с жадностью их жевать. За первой веткой последовала вторая, потом третья, и вскоре нижние ветки оголились, словно ошипанные козами. Утолив жажду, я уснул под освежительной тенью лионии.

Проснувшись я сравнительно бодрым и вновь почувствовал аппетит. Чуть было не разыгравшаяся лихорадка сошла на нет. Я приписываю это свойству листьев, которыми я полакомился, так как сок, содержащийся в листьях лионии, не только утоляет жажду, но и является сильнейшим жаропонижающим.

Я нарвал еще целую охапку листьев, связал их пачкой и вернулся к пиньону. Этими листьями я запасся потому, что хотел избавить себя от всяких движений до наступления

ночи. Путешествие было мучительным, и, хотя от дерева до дерева оказалось не более десяти шагов, малейшее движение причиняло мне острую боль.

Ночь я провел под пиньоном, позавтракал шишками и, захватив пригоршню с собой, вновь потащился к лионии. Здесь я провалялся целый день и опять вернулся к сосне с охапкой листьев. Целых четыре дня и четыре ночи провел я, путешествуя туда и обратно, питаясь плодами благодетельных деревьев. Целебный сок лионии пресек развитие лихорадки. Рана начала затягиваться, боль — ослабевать. Время от времени меня навещали волки, но, замечая мой большой охотничий нож и чувствуя, что я еще жив, держались на почтительном расстоянии.

Время от времени меня навещали волки, но, замечая мой большой охотничий нож и чувствуя, что я еще жив, держались на почтительном расстоянии

На четвертый день я направился к источнику. Я настолько уже окреп, что мог ползти на четвереньках, волоча раненую ногу, как зверь с подбитой лапой. Не прополз я и полпути сквозь густые кустарники, как взгляд мой упал на предмет, от которого кровь застыла в жилах; это был свежееобглоданный человеческий костяк, судя по строению кости, принадлежавший не мужчине, а женщине... По всей очевидности, скелет моей...

Это был свежееобглоданный человеческий костяк...

Здесь голос рудокопа осекся, он глухо зарыдал и не сумел окончить фразы. Все слушатели, даже суровые охотники, прослезились. Но Мак-Кнайд уже овладел собой и продолжал:

– Судя по положению скелета, тело было погребено индейцами, что меня сильно удивило, так как это противоречит их обычаям. Я подозревал, что это сделали вы. И в самом деле, после печального открытия я вышел на тропу каравана и, нигде не видя вашего фургона, заключил, что вы побывали на стоянке и пустились самостоятельно в дальнейший путь. Но в каком направлении вы удалились, мне не удалось установить.

Разрешите теперь мне возобновить рассказ с той минуты, когда я набрел на останки моей жены.

Волки извлекли тело из могилы. Я искал вокруг каких-либо следов погибшего ребенка, разрывал руками рыхлую землю, шарил в охапке листьев, которыми вы прикрыли труп, но ничто не напоминало о ребенке.

Тогда я пополз к лагерю. На месте привала я нашел все в точности, как вы нам описали; прибавлю только, что хищные птицы уже расклевывали трупы. Судьба маленькой Луизы оставалась загадочной.

В одном из фургонов сохранился старый ящик, прикрытый всякой рухлядью и уцелевший во время беспорядочного грабежа. Я вскрыл его: в ящике среди другой провизии оказались кофе и несколько фунтов мясных консервов. Это было счастливое открытие, так как с кофе и мясом я смог продержаться, пока не окрепну настолько, чтобы набрать достаточное количество шишек пиньона.

Так прошел целый месяц. Ночью я спал в фургоне, а днем ползал вокруг дерева, собирая шишки. Я лишь смутно опасался возвращения индейцев. Эта область, насколько я знал, не была занята каким-либо определенным племенем.

Достаточно окрепнув, я вырыл яму, похоронил жену и решил покинуть эти мрачные места.

Я находился приблизительно в ста шестидесяти километрах от западной границы Новой Мексики. Но разве одолеть такое расстояние пешком в пустыне не труднее, чем переплыть океан? Так или иначе, надо было собираться. Я сшил мешок и наполнил его поджаренными орешками пиньона – единственной провизией, которая не обременит меня в пути.

Во время дорожных сборов, всецело поглощенный работой, я услышал в двух шагах шум и вскинул голову в тревоге. Но какова была моя радость, когда оказалось, что причиной моего испуга был кроткий мул, медленно направлявшийся к бивуаку!

Животное меня еще не заметило, и я боялся его вспугнуть и обратить в бегство неосторожным движением. Итак, я решил завладеть мулом врасплох и забился в фургон, где, как я знал, валялось лассо. Вооружившись арканом, я спрятался в засаде, рассчитав, что мул неизбежно пройдет мимо; и в самом деле, он шел прямо ко мне. Через мгновение шея животного была захлестнута мертвой петлей, я крепко привязал заарканенного мула к оглобле фургона. Это был один из наших мулов, ускользнувший от индейцев; проблуждав в прериях несколько недель, он набрел на след каравана и вернулся. Если б не я, он, пожалуй, вернулся бы в Сент-Луис, как то часто бывает с животными, отбившимися от каравана. В несколько дней я смастерил седло и уздечку, затем вскарабкался на мула с мешком жареных орехов и пустился в путь на Санта-Фе.

Я прибыл туда через неделю без всяких приключений и вскоре очутился на своем руднике.

Дальнейшая моя история не представляет для вас особого интереса: это повесть о человеке, потерявшем все, что ему дорого. Но вы, мистер Ролф, вернули меня к жизни, сохранив мою дочь Луизу, которую я считал погибшей.

Владелец рудника умолк, а хозяин, вновь наполнив чашки вином, угостил нас табаком для трубок и продолжал рассказ, прерванный неожиданной встречей отца с дочерью.

Глава IX. В пустыне

– Да, друзья мои, невеселое мне представилось зрелище: свирепые, кровожадные волки, собаки, истекающие пеной бешенства, растерзанная мать и пронзительно плачущий ребенок... Волки, завидев меня, обратились в бегство, а собаки подняли радостный лай. Их борьба с волчьей стаей началась лишь после того, как мы отогнали волков с бивуака, другими словами – она была довольно короткой, но все же бедные псы были искусаны в кровь.

Я с трудом оторвал маленькую Луизу от тела матери.

– Проснись, мама! – кричал ребенок; но мать, увы, не могла проснуться...

Получив смертельный удар, она бежала, ища спасения в кустарнике, в сопровождении верных псов, и руки ее, окоченевшие на груди, показывали, что в последней судороге она прижимала к сердцу ребенка.

Поручив труп охране Куджо, я вернулся с ребенком к фургону.

Несмотря на ужас, внушенный ей борьбой псов с волчьей стаей, девочка вырывалась из моих рук и просилась к матери.

Здесь рассказ Ролфа был вновь прерван рыданиями Мак-Кнайда: этот закаленный и храбрый человек не мог равнодушно слушать потрясающих подробностей.

Дети Ролфа заливались горячими слезами; всех равнодушной была смуглянка Луиза. Быть может, потрясение, пережитое ею в раннем детстве, навсегда сообщило ее характеру спокойную и твердую замкнутость.

– Я приказал жене позаботиться о девочке, – продолжал Ролф после небольшой передышки. – Ребенок, очутившись рядом с ровесницей, маленькой Марией, понемногу успокоился и уснул на руках у приемной матери. Взяв лопату из фургона, я пошел рыть могилу. Покуда мы с Куджо с лихорадочной поспешностью погребали тело, нас неотступно преследовала мысль, что недалеко минута, когда мы сами будем нуждаться в подобной услуге.

Исполнив печальный долг, мы вернулись к фургону. Я отвел быков в рощу, где никто не мог их заметить. Покинув жену с детьми на волю случая, я вскинул на плечо карабин и отправился на разведку, чтобы установить, действительно ли ушли краснокожие и далеко ли их становище. Насколько я могу теперь припомнить, у меня созрел план идти в Новую Мексику другой дорогой, свободной от индейцев.

Я сделал два-три километра, продираясь сквозь заросли и крадучись за скалами, – и внезапно различил индейскую тропу, которая тянулась к открытой равнине по направлению к западу. По всей вероятности, индейцев было много, и все притом конные: на это указывали следы копыт. Я принял тогда решение сделать трехдневный переход к югу, а затем уже повернуть на запад. По моим расчетам, я должен был таким образом удалиться от индейцев и подойти к желанному восточному склону Скалистых гор.

Я слышал, как спутники мои говорили о перевале, который находится южнее этих гор и совсем близко от Санта-Фе, и надеялся до него добраться, хотя от этого горного прохода меня отделяло расстояние в триста километров. Озабоченный этими мыслями, я вернулся к жене и детям.

Поздно ночью я подошел к фургону. Мария с детьми была сильно встревожена моим продолжительным отсутствием, но я принес хорошие новости: индейцы удалились.

Вначале я думал провести ночь под навесом фургона; но, так как ночь стояла светлая, лунная и равнина гладкой скатертью простиралась к югу, мне показалось более благоразумным этой же ночью пуститься в путь, чтобы отойти на десяток-другой миль от злополучной стоянки. Предложение было всеми одобрено. Каждому хотелось скорее покинуть мрачные места, и если б даже мы здесь и заночевали, вряд ли кто-нибудь сомкнул бы глаза. Итак, мы решили выступить, дождавшись восхода луны. Но в ожидании, чтобы ночь озарилась луной,

мы вспомнили о воде, столь драгоценной в пустыне для человека и животных, и решили наполнить все сосуды, бывшие в нашем распоряжении, водой из источника. Увы, их оказалось недостаточно!

Наконец вошла луна. Мы вывели быков из ограды и тронулись по равнине, стараясь как можно точнее держать на юг. Время от времени я оборачивался к северу, ища глазами Полярную звезду, которая находится в хвосте Малой Медведицы, так что ее легко найти, продолжив линию, соединяющую две последних звезды ковша Большой Медведицы. В течение этого перехода я неустанно оглядывался на северную половину неба, сверяя наш путь по звезде. Каждый раз, когда неровности почвы заставляли нас уклоняться от прямой дороги, я справлялся глазами с маленькой звездочкой, заменявшей мне компас. Она дружелюбно мерцала в темной ночной лазури, указывая мне путь.

Каждый раз, когда неровности почвы заставляли нас уклоняться от прямой дороги, я справлялся глазами с маленькой звездочкой, заменявшей мне компас

Так мы ехали, то ныряя с фургоном в балки и овраги, то переваливая через зыбучие дюны, и вскоре колеса покатались по твердой, словно утрамбованной земле, ибо здесь начинались так называемые сухие прерии.

Старая желанием как можно дальше отойти от краснокожих, мы сделали за ночь порядочно миль. Когда забрезжил свет, мы отошли, я думаю, миль на двадцать от роковой стоянки. Скалистые гряды, ее окружавшие, уже исчезли из вида. Это указывало на большое расстояние, пройденное нами за ночь, так как некоторые пики были достаточно высоки. Между тем все вершины бесследно растаяли на горизонте, и мы облегченно вздохнули при мысли, что краснокожие, вздумав подойти к стоянке, никого там не найдут. Нам больше нечего было опасаться; разве что индейцы по свежим следам пустятся за нами в погоню. Но, допуская и эту возможность, мы отказались после восхода солнца от передышки и ехали непрерывно до полудня. Быки, запряженные в фургон, и моя лошадь изнемогали от усталости. Без привала нельзя было обойтись.

Но вокруг не было ни травинки, ни капли воды, ни намек даже на чахлую зелень, если не считать полыни. Но быки и лошади пренебрегали этим растением, которое росло кругом. Узловатые цепкие кустики полыни с серебристо-белыми мертвенными листьями не только не радовали глаза, но сообщали пейзажу особую мрачность. Все мы знали, что полынью

бывает отмечена бесплодная почва. Итак, мы выбрали стоянку, безрадостную для животных. Жгучее солнце ударило им в голову. Мы не могли дать им далее глотка воды: нас самих мучила жестокая жажда, а крошечный запас подходил к концу.

Задолго до наступления ночи мы тронулись дальше, надеясь встретить источник или ключ. Под вечер мы продвинулись еще на десять миль к югу, но ничто вокруг не указывало на присутствие воды. До самого горизонта тянулась бесплодная равнина.

Ни скалы, ни кустарники, ни дикие звери не нарушали однообразия этой обширной равнины. Мы себя чувствовали более покинутыми, чем парусник, заброшенный среди безбрежного океана.

Тревога понемногу закрадывалась в наше сознание, и решимость наша заколебалась; но, возвращаясь назад, мы вряд ли могли рассчитывать, что найдем покинутый источник. С тем же успехом можно было надеяться, что вода окажется впереди, и, подогреваемые этой надеждой, мы шли вперед всю ночь.

Утром я окинул взглядом равнину, но не заметил ни малейшей неровности. Я грустно плелся верхом вслед за быками, наблюдая мучительные усилия бедных животных, когда внезапно раздался детский голосок. Это кричал Франк, стоявший на передке фургона, выглядывая сквозь холстину.

– Отец, отец! Видишь, там белое облачко!

Я обернулся к мальчику, чтобы выяснить, что он имеет в виду. Франк глядел на юго-запад, и я посмотрел туда же.

Франк принимал за облачко снежную вершину. Я мог бы заметить ее и раньше, если бы взглянул в ту сторону, но взоры мои были прикованы к юго-востоку.

Там, где снег, должна быть и вода. Не говоря ни слова, я приказал Куджо гнать быков по направлению к горе.

Таким образом, мы уклонялись от намеченного пути, но дело шло о спасении жизни, и выбора не было.

Гора отстояла от нас еще километров на тридцать. Если бы не ночной переход, то она была бы еще дальше. Смогут ли наши быки до нее дотащиться: они шли покачиваясь, чуть не падая. Если быки свалятся – мы погибли.

Я был твердо уверен, что с горы свергается поток или речка, питаемая таянием снегов на вершине. Быть может, мы столкнемся с этой речкой еще задолго до подошвы горы. Но уклон равнины спускался именно к горе. Другими словами, поток мог свергаться лишь по ту сторону горного кряжа. Чтоб разыскать его, приходилось взбираться на гору. С трепетом мы приближались к ее подошве.

К полудню быки совсем изнемогли. Один из них околел, и нам пришлось его бросить. Трое других готовы были разделить участь товарища. Мы выбросили из фургона все предметы, к которым можно было отнести как к балласту, все, не представлявшее для нас необходимости, но бедные животные едва волочили ноги и продвигались как черепахи.

Возможно, что двухчасовой отдых мог бы их подкрепить, но я не решался сделать передышку: слишком болезненно отдавались в моем сердце жалобные детские крики. Мария держалась мужественно, мальчики тоже. У меня не хватило духа обратиться к ним со словом утешения, так как до горы оставалось еще пятнадцать километров.

Мне пришло в голову выехать вперед – зачерпнуть воды и вернуться, но у лошади моей уже подкашивались ноги, и мне пришлось спешиться и повести ее за поводья. Куджо шел возле быков. Околел еще один бык. Теперь в упряжке фургонов оставалось лишь двое.

В эту минуту наивысшего отчаяния несколько предметов вырисовалось одновременно на равнине; это были зеленые купы, причем самая большая была величиной с пчелиный улей. Все они походили на группу крупных ежей, которые ошетинились во все стороны. Завидев их, я бросил поводья и, вытащив нож, побежал к странным деревьям. Спутникам

моим показалось, что я сошел с ума. Однако я знал, что делаю: нам встретились шаровидные кактусы.

Через минуту я очистил от игл несколько кактусов. Наш маленький караван крайне удивился при виде этих сочных растений, окрашенных в темно-зеленый цвет, с прозрачной жидкостью, пропитавшей их поры.

Вскоре большие шаровидные кактусы были разрезаны на ломти, и мы с жадностью начали их жевать. Несколько кактусов мы предложили лошади и быкам, и те пожрали их целиком, с волокнистой мякотью, меж тем как собаки лакали влагу, пролившуюся там, где мы разрезали кактусы.

Пройдя еще немного, мы сделали остановку, чтоб дать отдохнуть быкам. Для одного из них, к несчастью, отдых пришел слишком поздно: запас его жизненных сил исчерпался, и мы нашли его распростертым на земле, неспособным подняться. Пришлось его бросить, впрячь, куда ни шло, на его место лошадь и тронуться дальше. Мы надеялись найти впереди подобную же группу кактусов; но ничего похожего не было видно, и страдания наши возобновились.

За восемь приблизительно километров до конца перехода свалился последний бык. Так как лошадь моя не в состоянии была тащить фургон, пришлось ее выпрячь и фургон бросить. Что делать? Или расстаться с фургоном или погибнуть.

Я вынул из фургона топор, чугунный горшок и последний кусок вяленого мяса. Куджо взвалил на плечо топор и маленькую Марию, я захватил мясо, горшок, Луизу и карабин; кое-какие вещи прихватили жена моя, Франк и Генри. Нагруженные таким образом, мы направились к горе. Собаки последовали за нами, а бедная лошадь, не желая отстать, кое-как поплелась сзади. Конец перехода прошел довольно однообразно. С грехом пополам мы одолели восемь километров. Подойдя вплотную к горе, мы различили на склоне ее глубокие темные трещины и висевшие над ними тонкие серебристые ниточки, несомненно, струи водопада, свергавшегося с камней. Это зрелище придавало нам бодрости, и через час мы подошли к берегам кристально-прозрачного ручья. Все облегченно вздохнули: мы были спасены...

Это зрелище придало нам бодрости

Глава X. Армадилл

Поблагодарив судьбу, мы утолили жажду и оглянулись вокруг: мы подошли совсем не к тому источнику, который заметили издали; наш ручей спускался с противоположного, скрытого от нас склона. Это был узкий змеевидный ручеек, какие часто вытекают из горных ущелий. Пробежав немного по равнине, он поворачивал на юго-запад и сливался с ручьями, которые свергались с обращенного к нам склона. Позднее я установил, что все эти ручьи сливаются в общее русло и образуют реку, которая течет по наклону равнины на запад. Очевидно, это был один из потоков, питающих верховья великой Красной реки, орошающей Луизиану; быть может, Бразоса или Колорадо, бегущего в Техас. Река, во всяком случае, была внушительная, хотя выражение это здесь совсем не подходит. В месте слияния ручьев получается изрядная водная масса, но само русло в продолжение трех четвертей года остается совершенно сухим. Лишь в периоды обильных ливней, которые исключительно редки в этих краях, или же в дни палящей жары, когда усиливается таяние горных снегов, в речном русле накапливается достаточное количество воды, и сравнительно быстрый поток течет по бесплодной плоской равнине на запад.

Теперь нам уже не грозила смерть от жажды, но надежды раздобыть пищу не было никакой. Склоны горы были круты и каменисты. Тощие кедры, словно подвешенные, росли из расщелин. Яркая зелень и группы ив, окаймлявшие ручьи, хотя и ласкали глаз после ужасающего однообразия пустыни, но не сулили ничего питательного.

Если пустыня простирается к югу от горы, так же как к западу, востоку и северу, то мы нашли лишь временную обманчивую передышку и погибнем среди этих ненужных красивых декораций – пусть не от жажды, но от голода, что немногим лучше.

Вот что нас единственно занимало. Весь день мы не ели. Можете мне поверить, что кусок солонины был у всех на уме.

– Позволь мне его сварить, – попросила Мария, – суп подкрепит детей.

Я с нежностью посмотрел на жену. Несмотря на крайнюю усталость, она еще бодрилась и старалась держаться хозяйкой.

– Да, отец, мы хотим супа, – заявил Франк, – суп – вещь недурная...

Мальчик бодрился, не желая отставать от матери.

– Ну и отлично, – сказал я. – Сюда, Куджо. Возьми топор и наруби дров в горах; эти сосны, там, внизу, доставят нам отличное топливо.

Мы с Куджо отправились за дровами в ущелье шагов за триста, откуда вытекал ручей, сдавленный скалами.

Однако, подойдя к деревьям, я увидел, что это не сосны. Ствол и ветви этих деревьев были одеты большими крупными иглами, напоминающими щетину дикобраза. Сама листва была блестящей и изумрудно-зеленой; но занятнее всего были длинные плоды в форме бобов, в изобилии висевшие на ветвях. В ширину они имели дюйма полтора, а в длину – до двенадцати дюймов; они были пурпурно-красные, цвета бордоского вина. Если отвлечься от цвета, они были очень похожи на крупные бобы.

Я знал, что это за дерево: это был так называемый саранчовый мед, – колючая акация, которую называют «кароб» в Западной Америке, а испанцы – «альгаробо». Я знал ее употребление. Это было то самое дерево, которое имели в виду авторы Евангелия, утверждавшие, что отшельники в пустыне питаются «медом и акридами». Стручки, свисающие с этого дерева, были медом пустынных. Куджо знал им цену. При виде этих висюлек он выпучил глаза и в восторге воскликнул:

– Глядите, мистер Ролф, глядите: вот мед акации на ужин!

Мы подбежали к дереву. Покуда я срывал без счета зрелые плоды, Куджо работал в горах, добывая топливо: он энергично рубил сосны.

Я уже набрал целую уйму стручков в носовой платок, когда вновь раздались радостные вопли Куджо:

– Подите-ка сюда, мистер Ролф. Тут какой-то странный зверек.

Я бросился к Куджо, прыгая с камня на камень. Достигнув места, где стоял Куджо, я застал его склоненным над расщелиной, откуда торчало что-то похожее на свиной хвост.

– Что это может быть, Куджо?

– Не знаю, мистер Ролф. Мы, негры, не видели таких червей в Вирджинии.

– А ну-ка, потяни его за хвост и вытащи из дыры.

– Хорошо, мистер Ролф; но я уже пробовал – и ничего не вышло. Поглядите!

С этими словами спутник мой изо всех сил потянул странного червяка или ящерицу, но животное удержалось в расщелине.

Спутник мой изо всех сил потянул странного червяка или ящерицу

- Видел ты, как он забрался в расщелину?
- Да, мистер Ролф, видел.
- На кого же был похож этот зверек?
- На маленького молочного поросенка. По-моему, это вирджинская черепаха.
- Понимаю. Это – армадилл²⁸...
- Армадилл? Никогда не слышал...

Зверек, так изумивший добродушного негра, принадлежал к любопытнейшим созданиям, которыми природа разнообразит животное царство, а в Мексике и в Южной Америке он известен под именем «армадильо».

Название это происходит от испанского «armado», что означает «вооруженный», «защищенный», ибо все тело армадилла покрыто крепкой чешуей, распадающейся на правильные звенья, на манер кольчуги средневековых рыцарей. На голове армадилла имеется даже нечто вроде шлема, соединенного связками с его природной кольчугой, чем еще более подчеркивается странное сходство. Среди армадиллов наблюдаются многочисленные разновидности; некоторые из них величиной с крупного барана, но обычно – гораздо меньше. Отличаются также узоры кольчуги у различных подразделений этой породы. Геометрически правильные чешуйки иногда распадаются на правильные квадратики, иногда на восьмиугольники или пятиугольники; но геометрическая строгость рисунка всегда неизменна. На первый взгляд кажется, что броня армадилла – работа человеческих рук. Это безобидное существо, питающееся корнями и травами; оно довольно неуклюжее, хотя и бежит гораздо быстрее, чем можно предположить при его «рыцарской» броне. Покров армадилла состоит из множества чешуйчатых одежек, связанных гибкой, эластичной перепонкой. Это позволяет ему сохранять свободу движений. Армадилл далеко не так медлителен, как черепаха. Когда его застают врасплох или преследуют, он свертывается в комок, как еж, а если в минуту опасности поблизости открывается пропасть, он скатывается в нее, чтоб ускользнуть от неприятеля. Чаще всего он забивается в дыру или прячется в расщелине камня: именно так поступил армадилл, которого преследовал Куджо. Подобно страусу, армадилл считает себя вне опасности, если ему удастся спрятать голову, и надо думать, что наш зверек был совершенно спокоен, пока жилистые пальцы Куджо не ухватили его за хвост. Тогда армадилл юркнул в расщелину, но не сумел в нее целиком залезть, и хвост его остался торчать наружу. Во всяком случае, вытянуть армадилла за хвост было невозможно. Он расправил вокруг хвоста свою перепончатую чешую и таким образом прочно застрял между камнями. К тому же лапки его, замечательные своей длиной и цепкостью, уподобляющими их щупальцам, глубоко вонзились в земляное дно расщелины.

– Чтобы вытянуть его, потребуется, пожалуй, целая упряжка быков, – заметил, ухмыльнувшись, Куджо.

Я слышал о способе, применяемом индейцами, которые охотятся за армадиллами и очень ценят его мясо, и, решив испробовать этот прием, предложил своему спутнику отпустить хвост армадилла и отойти в сторону.

Опустившись на колени, я взял кедровую веточку и стал щекотать армадилла ее кончиком. Тотчас же мускулы его начали сокращаться, чешуйки кольчуги – отделяться от камня и свертываться. После двухминутной щекотки он, по моим наблюдениям, вернулся в обычное состояние и даже втянул в себя коготки. Я с силой рванул его за хвост, и зверек, ошеломленный неожиданностью, выпрыгнул из дыры и упал к ногам Куджо. Куджо метким ударом топора отрубил ему голову, прикончив его на месте. Убитый армадилл был величиной с кролика.

Мы вернулись к стоянке с топливом для костра, со стручками дикой акации и армадиллом. Жена ужаснулась при виде странного животного, которым я собирался всех угостить.

Но со мной было нечто приятное для маленькой Марии и ее подруги Луизы, а именно – сладкая, как мед, кожура собранных мною стручков. Покуда Куджо разжигал костер, мы вынули зерна из кожуры, намереваясь их поджарить.

– А теперь, друзья мои, – произнес Ролф, вставая, – поскольку я уже рассказал вам об этом странном растении, не откажитесь распить кувшин домашнего пива, приготовленного из стручков колючей акации. Покуда вы осматривали плантацию и окрестности долины, я процедил его...

С этими словами плантатор снял крышку с большого кувшина и разлил в наши чашки коричневый напиток.

Мы отведали это пиво и нашли, что вкус его напоминает молодой сидор.

Ролф, между тем, продолжал свое повествование.

Глава XI. Тощий бык

Работа закипела. Мария готовила солонину, которую она собиралась варить со стручками колючей акации в чугунном горшке. К счастью, он был достаточно вместителен, литра приблизительно на четыре. Куджо разводил костер, голубоватый дымок уже поднимался над хворостом; Франк и Генри с девочками с наслаждением сосали сладкие плоды акации, я же возился с армадиллом, собираясь изжарить его на вертеле. Для полноты картины упомяну о лошади, щипавшей сочную траву на берегу ручья, и о собаках. Бедные псы! О них заботились меньше всего. Сейчас они напряженно следили за моими приготовлениями, подстерегая кусочки мяса, падавшие из-под моего ножа.

Вскоре костер уже пылал, солонина со стручками закипала, а армадилл похрустывал на вертеле рядом с чугунным котлом. Еще немного, и все было сварено, изжарено, одним словом – готово.

Только тут мы заметили, что у нас нет ни тарелок, ни стаканов, нет вилок, ножей и ложек. Охотничьи ножи были только у Куджо и у меня. Привередничать было не время: ножами мы выловили из горшка куски мяса и стручки; затем положили все это на чистый плоский камень и ели прямо с каменного подноса руками. С похлебкой мы немало повозились: чтоб охладить чугунок, пришлось погрузить его краем в холодную воду ручья, а когда чугун остыл, Мария и дети по очереди прильнули к нему губами.

Нам с Куджо похлебка была не нужна; у нас было нечто посущественнее.

Вначале я думал, что армадилл достанется мне целиком, но, несмотря на свое отвращение к странному гаду, Куджо, попробовав мясо армадилла, разохотился и несколько раз просил прибавки, так что я уже побаивался за свой ужин.

Во всяком случае, ни дети, ни Мария не решились полакомиться армадиллом, хотя я их уверял с полной искренностью, что вкусом он не уступает самому нежному жареному поросенку. И в самом деле, мясо армадилла во многих отношениях очень близко к пороссячьему.

Солнце уже садилось, и надо было позаботиться о ночлеге. Все наши одеяла остались в фургоне, а воздух к вечеру резко свежел, как это часто бывает в соседстве снежных гор. Верхние слои атмосферы быстро охлаждаются вокруг снежного конуса, тяжелеют и просачиваются к подошве горы, вытесняя нижние слои воздуха, более горячие и, следовательно, более легкие. Проспать всю ночь на этом холоде, даже поддерживая пламя костра, было опасно и мучительно.

Я мог вернуться к фургону, от которого нас отделяли какие-нибудь восемь километров, и принести одеяла. Пойти одному или захватить с собою Куджо? Вдвоем как будто лучше: один из нас поедет верхом с грузом одеял и других необходимых предметов. Кобыла наша уже полтора часа блаженствовала, отъелась и напилась и как будто достаточно окрепла. В самом деле, выносливые мексиканские лошадки после самых трудных переходов воскресают удивительно легко, получив воду в пищу. Вполне доверяя силам лошади, я приказал Куджо захватить ее с собой. Куджо накинул ей на шею веревку вместо поводьев. В последнюю минуту я побоялся оставить Марию без взрослого защитника, но жена попросила нас ехать скорее и обязательно вдвоем, уверяя, что, покуда с ней Генри и Франк с их настоящими карабинами, ей нисколько не страшно. К тому же с ней оставались верные псы. Сказать по правде, не страшно было оставлять женщину одну с такими ловкими мальчиками и отличными собаками.

Я посоветовал сыновьям зарядить карабины на случай тревоги, и мы выступили втроем: я, Куджо и лошадь.

Белую холстину фургона мы заприметили издали и без всякой помехи пошли к нему напрямик.

Дорогой я задался вопросом: пощажен ли волками несчастный бык, которого мы вынуждены были бросить вместе с фургоном? В случае, если он уцелел, я решил содрать с него кожу и заготовить мясо впрок, хотя бы жесткое и невкусное. Надо вам сказать, что злополучный бык в последнее время походил на мумию. Лучшего провианта, однако, не предвиделось, и меня крайне беспокоило, найдем ли мы хоть часть бычьей туши.

Из этих размышлений меня вывело восклицание Куджо, который вдруг остановился, взглядываясь в предмет, возникший на нашем пути. Я тоже к нему присмотрелся и различил в полумраке большое четвероногое существо.

– Мистер Ролф, – пробормотал Куджо, – быть может, это бизон?

– Отчего бы нет! Придержи лошадь, а я подойду к нему поближе и постараюсь его пристрелить одним из моих пистолетов.

Поручив лошадь Куджо и приказав ему не шуметь, я выбрал самый большой пистолет и пополз на четвереньках, как можно ниже пригибаясь к земле, чтоб не обратить на себя внимания животного. Я приближался в высшей степени осторожно. Так как луна еще не взошла, я лишь смутно различал очертания таинственного четвероногого. Наконец я подполз к нему на расстояние выстрела. Считая, что, подойдя ближе, я могу обратить его в бегство, я сделал остановку и, не вставая с колен, прицелился. Но не успел я поднять пистолета, как лошадь внезапно заржала, и в ответ на это ржание странное животное заревело, замычало, как обыкновенный бык. Что поделаешь, это был наш собственный бык, который покинул фургон и медленно удалялся к горам. Свежий вечерний воздух придавал ему силы, а чутье толкало его именно по тому направлению, какое выбрали мы.

Затрудняюсь сказать, какое из двух чувств, вспыхнувших при этой встрече, было во мне сильнее: досада охотника, попавшего в смешное положение, или радость свидания с давнишним спутником. Жирный бизон, конечно, пришелся бы более кстати, чем тощий, изголодавшийся бык. Но, сообразив, что бык все-таки годится для тяги и так или иначе поможет нам выбраться из прерии, я поблагодарил судьбу за то, что застал его в живых. Лошадь и бык раздували ноздри, принюхиваясь друг к другу: встреча была им, очевидно, приятна. И так как бык добродушно обмахивался хвостом, мне почудилось, что лошадь сумела ему тихонько шепнуть о прохладной воде и сочных травах, с которыми она только что познакомилась. За быком еще волочились вожжи, и, опасаясь, что он начнет плутать, мы привязали его к стволу ивы, чтобы забрать на обратном пути с собой.

Мы уже расстались с быком, когда я сообразил, что, если дать ему хоть немного напиться воды, он вместе с лошадью вытянет весь фургон в гору. Как обрадуется Мария, увидев, что мы возвращаемся с фургоном, быком и всем нашим скарбом, не с одними лишь одеялами, а со всей кухонной батареей, запасом кофе и большим провизионным ларем. Это будет ликование!

Я поделился этими соображениями с Куджо. Товарищ мой воспламенился при этой мысли и нашел ее вполне осуществимой. Мы сделали попытку напоить быка из чугунка с водой, который мы предусмотрительно захватили для себя; но чугунок оказался слишком тесным для бычьей морды.

– Ничего, мистер Ролф, – утешил меня Куджо, – дайте нам только добраться до фургона; там большой ушат...

И Куджо осклабился при мысли о том, как обрадуется Мария.

Без лишних слов мы отвязали быка от ивы и отвели его к фургону. Лошадь все время шла на поводу, вернее – на аркане: мы щадили ее, так как ей предстояла большая работа.

Все наше добро, покинутое в фургоне, оказалось в полной сохранности. Но в окрестностях бродили крупные волки, и это они, без сомнения, напугали быка и заставили его подняться и поплестись прочь от опасных мест. Перелив воду из дорожного чугунка в большой деревянный ушат, мы поставили его перед быком, и тот выпил все до последней капли,

облизав шершавым языком дно и стенки ушата, и оторвался от него, лишь когда он был совершенно сух.

После этого мы запрягли в фургон быка и лошадь и направились к нашему маленькому горному стану.

Мы шли на огонек, мерцавший нам, как спасительный маяк, с высоты. Огонек этот поддерживал не только мою бодрость, но и влиял на настроение Куджо; даже лошадь и бык как будто понимали, что конец пути уже близок, и ускоряли шаг, поглядывая на светящуюся точку.

До стоянки оставалось не больше километра, когда где-то в скалах грянул выстрел из карабина. Я содрогнулся от ужаса. Неужели индейцы напали на Марию с детьми? Или дикие звери? Бурый медведь?..

Ни минуты не колеблясь, я бросился вперед, оставив Куджо с фургоном. Прихватив с собой пистолеты, я заряжал их на бегу, внимательно в то же время прислушиваясь к малейшим шорохам, доносившимся по направлению от костра. Раз два я останавливался и чутко напрягал слух, но в маленьком лагере нашем все как будто было спокойно. Что означает это молчание? Почему не лают собаки? Неужели бесшумные отравленные стрелы краснокожих поразили всех сразу: и жену, и детей, и псов?

Обуреваемый этими мрачными предчувствиями, я бежал все быстрее и быстрее, твердо решившись броситься на врага, кто бы он ни был, и дорого продать свою жизнь.

Вот и поляна, освещенная костром. Каково же было мое удивление, какова была моя радость, когда я увидел жену, сидящую у огня с Луизой на коленях, а у ног ее играющую Марию. Но где же Генри и Франк? Вновь нахлынула на меня тревога.

— Что это значит, Мария? — крикнул я, захлебываясь. — Где мальчики? Это они сейчас стреляли?

— Да, они. Генри в кого-то стреляет, — наивно ответила жена.

— В кого? Во что?

— В какого-то зверя неизвестной породы. Очевидно, они его подстрелили; вот уже довольно давно, как мальчики, кликнув собак, убежали, но до сих пор не вернулись.

— Куда убежали? В каком направлении? — спросил я, волнуясь.

Мария показала рукой, и я бросился в гущу мрака.

Через сотню шагов я нашел Генри и Франка, а также собак вокруг убитого животного. Генри гордился метким выстрелом и ждал моих поздравлений. Я не поскупился на похвалы мальчику и, схватив убитого зверя за задние лапы, повернул его к свету костра. Величиной он был с теленка, но несравненно изящнее. В пропорции его тела было что-то тонкое и грациозное, а ноги были тоненькие, как тросточки. Шкура на нем была бледно-рыжая, грудь и живот в белых подпалинах; глаза большие и томные, рога хрупкие, точеные.

По вилкообразным рогам я тотчас узнал антилопу, единственную ее разновидность, которая встречается в Северной Америке.

Мария рассказала мне в подробностях все приключение.

Они сидели молча у огня и терпеливо нас поджидали, так как мы сильно замешкались с фургоном. Внезапно в темноте вспыхнули два огромные глаза, яркие, как свечи, — и всего в нескольких шагах от места, где они сидели; они видели только глаза, но не на шутку испугались, так как предположили появление волка, медведя или пантеры. Однако женщина и дети не растерялись: всякое бегство в их положении было бессмысленным: Франк и Генри схватились за карабины. Первым готов был Генри. Будь что будет. Он нацелился между глаз зверя и спустил курок.

Во мраке и пороховом дыму нельзя было разглядеть, что случилось с животным; но псы, лежавшие у костра, встрепенулись и бросились травить зверя. Издали слышен был шум погони, потом возня, борьба, и наконец все смолкло. Мария сразу поняла, что Генри подстре-

лил большеглазого зверя, а собаки настигли его и собираются растерзать. Но Франк и Генри вмешались вовремя; раненная в плечо антилопа оказалась неподалеку.

Хоть Генри и не хвалился своим подвигом, но в глазах его сияло торжество. Чудесной благородной дичи нам хватит по крайней мере на три дня. Всего час назад мы не знали, чем пообедаем завтра, а теперь можем гордиться прекрасной провизией и даже звать гостей.

Только теперь я вспомнил о сюрпризе, которым собирался порадовать жену: о нашем фургоне со всей хозяйственной утварью и припасами и о вновь обретенном лучшем из наших быков.

– Где Куджо? – спросила жена. – Он несет одеяла?

– Да, – ответил я. – И еще кое-что хорошее...

При этих словах раздался скрип колес, и вынырнула из темноты белая холстина фургона, освещенная костром. Франк вскочил на ноги и, хлопая в ладоши, закричал:

– Гляди, мама, фургон, фургон!..

Тут мы услышали зычный голос Куджо:

– Но, но! Пошевеливайся!..

И через мгновение лошадь с быком втащили на горную лужайку фургон с такой легкостью, словно он был игрушкой. Казалось, они способны протащить его сто километров без отдыха. Разумеется, мы тотчас их распрягли, дали им вдоволь напиться и пустили щипать траву.

Час был уже поздний, и неудивительно, что после всех пережитых испытаний мы, не теряя времени, стали готовиться ко сну. Мария постлала нам постели в фургоне: другого крова у нас не было, но и этот был хорош. Мы с Куджо тем временем освеживали антилопу, чтобы заготовить мясо для завтрака.

Собаки с явно корыстным интересом следили за нашей работой. Бедные псы изголодались больше нашего. Кое-что им тут же перепало: голова, копыта и внутренности; для них это было настоящее пиршество. Тушу антилопы мы подвесили за ноги к дереву, и притом как можно выше, чтоб до нее не могли дотянуться волки, и во избежание соблазна нашим псам.

Наконец Мария объявила, что постели готовы. Нам оставалось лишь крепко уснуть.

Глава XII. Дикие бараны

Мы поднялись на рассвете и насладились великолепным восходом в горах: вся область к востоку, насколько хватал глаз, лежала неподвижной туманной пеленой, подобно океану в тихую погоду. Когда оранжевый шар солнца всплыл над горизонтом, хотелось верить, что он вынырнул из-под земли, хотя мы знали, что его отделяют от нас сотни миллионов километров. Солнце медленно поднималось по бледно-голубой безоблачной лазури. На плоскогорьях Америки нередко можно пропутешествовать несколько дней, не встретив облачка величиной с бумажного змея.

Настроение у нас было отличное; мы хорошо отдохнули и были недостижимы для краснокожих, от руки которых пали наши товарищи. Сказать по правде, простодушные индейцы сгруппировались, совершив такой чудовищно трудный путь ради нашего жалкого скарба.

Вид антилопы с ее желтоватым нежным жиром и капельками ночной росы на нем был чрезвычайно аппетитен. Зная за Куджо таланты мясника, я предложил ему разрезать тушу, а сам, вскинув топор на плечо, отправился к подошве горы за топливом для костра.

Мария была всецело поглощена хозяйственными хлопотами, окруженная горшками, кастрюлями, сковородами; она перемывала посуду в прозрачной воде ручья: клубы густой пыли, поднятой фургоном в сухих прериях, плотным слоем осели на всей нашей утвари. На хозяйственный инвентарь нам теперь нечего было жаловаться: сковорода, большой котел, два корыта, супная миска, кофейник, кофейная мельница, полдюжины чашек и целый набор вилок, ножей и ложек – всё вещи, приятные для путешественника в прериях.

Недостатка в топливе не оказалось, и вскоре костер наш весело затрещал. Мария поджарила кофейные зерна на сковороде и размолочила их в мельнице. Я подрумянил на вертеле ломти дичи, меж тем как Куджо, нарвав стручков акации, жарил зерна вместо хлеба, так как у нас не было муки. Запасы наши пришли к концу уже несколько дней назад, и мы питались одной только солониной и кофе. Кофе мы расходовали очень скупно, считая его роскошью. Ни сахара, ни сливок, конечно, не было, но мы о них даже не мечтали: все, кому приходилось путешествовать в прериях, предпочитают чистый, беспримесный кофе, без сахара и густых сливок: он лучше подкрепляет. Однако при желании мы могли подсластить наш кофе: следовало лишь взять пример с Франка, который снимал медово-сахарную кожуру со стручков, откладывая в сторону зерна; у него уже накопилась целая тарелка сладкой кожуры. Молодец, Франк!

Большой провизионный ларь был извлечен из фургона; накрытый скатертью, он заменил нам стол. Стульями служили большие камни вокруг ящика. Мы принялись за ароматный кофе и вкусные ломти дичи. Во время завтрака я обратил внимание на Куджо, который долго вращал белками и наконец закричал:

– Хозяин, хозяйка, смотрите, что там такое!..

Мы сидели спиной к горе, но обернулись в сторону, куда указывал Куджо. По горному склону передвигались пять красноватых точек с такой быстротой, что вначале мы приняли их за птиц. Лишь через несколько мгновений мы разглядели четвероногих животных; однако эти странные звери так стремительно перепрыгивали с уступа на уступ, что определить их породу не было никакой возможности. Как будто это была разновидность ланей, немного более крупных, чем овцы или козы; но у них были большие загнутые рога. Когда они прыгали с горной площадки на нижний уступ, мы, к удивлению своему, заметили, что они кувыркаются в воздухе, бросаясь вниз головой.

Шагах в ста от того места, где мы находились, было небольшое пологое взгорье; оно круто обрывалось к равнине, возвышаясь над ней футов на шестьдесят. Странные звери поднимались пологим склоном и добежали до кручи. Возле обрыва они остановились как вкопан-

ные, как бы исследуя его. Только тогда мы их хорошо рассмотрели: в лазури четко вырисовывались их грациозные фигуры с длинными загнутыми рогами, почти столь же большими, как сами животные.

Мы предполагали, что круча задержит их дальнейший бег, и я уже взвешивал дальнобойность своего карабина, но внезапно, к нашему изумлению, одно из животных бросилось с кручи вниз головой, ударилось рогами о землю, отпрянуло и, сделав еще одно сальтомортале, спокойно утвердилось на четырех упругих ногах. Все стадо последовало примеру вожака с ловкостью настоящих акробатов.

Лужайка, на которую они прыгнули, находилась шагах в пятидесяти от нашей стоянки. Я был до такой степени очарован этим грациозным головокружительным прыжком, что позабыл о карабине, который держал в руках. Животные, со своей стороны, удивились нам не меньше, так как заметили нас не сразу. Громкий собачий лай вывел меня из оцепенения и напомнил быстроногим животным об угрожающей опасности. Они резко повернулись и поскакали в горы. Я выстрелил наудачу. Все мы считали, что порох потрачен даром, так как весь пяток стремительно удалялся в горы, преследуемый собаками. Вначале все они бежали, словно окрыленные, но потом одно из животных начало отставать, как бы отяжелев немного. Четверо скрылись из виду. Но пятый зверь, отбившись от стада, вдруг, изловчившись к прыжку, остановился и, словно игрушка, у которой испортился завод, свалился под гору. Через минуту его уже настигли наши псы.

Куджо, Франк и Генри бросились на подъем и вернулись, таща зверя, растерзанного собаками. Куджо сгибался под тяжестью ноши: на первый взгляд зверь показался величиной с оленя, но, судя по большим узловатым рогам и другим признакам, я узнал в нем аргали, или дикого барана Скалистых гор. По внешности это животное напоминало козу или большого дикого оленя с парой ветвистых рогов на голове. Мы знали, что мясо его съедобно, и в нашем положении брезговать им было нельзя. Тотчас же после завтрака мы с Куджо наточили ножи и, сняв кожу с дикого барана, подвесили его тушу рядом с антилопой. Собаки за свое усердие были вознаграждены отбросами; мы же, любуясь великолепной мясной провизией, висевшей над прохладными водами ручья, вообразили себя окончательно спасенными.

Надо было обдумать, что предпринять дальше. Аргали и антилопа обеспечивали нас мясной провизией по крайней мере на неделю; но какие шансы на возобновление запасов, когда эти подойдут к концу? Весьма небольшие. В самом деле, если даже в окрестностях водятся другие антилопы или бараны, число их должно быть очень невелико, так как кормиться им здесь почти нечем. К тому же этих подвижных животных не так-то легко подстрелить, и наша двойная удача объясняется чистой случайностью. Надеяться на повторение таких случайностей было безумием, и, как люди здравомыслящие, мы обязаны были, не доверяя коварной судьбе, предпринять все от нас зависящее для спасения.

Итак, чем пополним мы наши запасы?

Правда, через неделю бык подкормится и раздобреет. Его, пожалуй, хватит надолго. Потом лошадь, собаки, а в будущем – верная голодная смерть.

Жутко было заглядывать в такое будущее. Зарезав быка, мы потеряем возможность передвигаться с фургоном; с одной лошадей мы не выберемся из прерий. С потерей лошади положение наше станет еще более безнадежным: придется идти пешком.

Но, насколько я помню, не было еще случая, чтобы кто-нибудь пересек пешком Великую пустыню; даже охотники на это не отваживаются. Остаться же в настоящем положении было немислимо. Скудная растительность зеленела по берегам ручьев, которые стекали с горного массива. Ивы здесь росли, но травы было немного, и вряд ли здесь могла прокормиться дичь. Все, одним словом, соглашались, что эти места следует незамедлительно покинуть.

Теперь на очереди стоял другой вопрос: простираются ли прерии к северу так далеко, как на юг? В целях разведки я решил обогнуть гору, оставив жену с детьми и Куджо на стоянке. Лошадь уже оправилась от усталости. Я оседлал ее, захватил карабин и отправился верхом.

Я начал свой объезд, следуя вдоль подошвы горы на восток. В этом направлении росли чахлые деревца и убогая растительность, оживлявшие долину. Я заметил, между прочим, бегущую антилопу и другое животное, похожее на оленя, но длиной своего хвоста отличающееся от всех известных мне разновидностей.

Сделав пять километров, я достиг западного склона гор и мог исследовать пейзаж, простиравшийся к югу. Всячески напрягая зрение, я видел уже бесплодную унылую равнину, еще более однообразную, чем северная; только к востоку были какие-то намеки на производительную силу земли, но я затрудняюсь назвать оазисами эти жалкие клочки чахлой зелени.

Печальная перспектива! Нам предстоит пересечь всю пустыню, чтобы добраться до населенных мест. Возвращаться на восток, к американской границе, при нашем отчаянно плохом снаряжении и отвратительных транспортных средствах было б нелепостью. Я знал, что именно в этом направлении кочуют опасные, враждебные племена. Этой стороной идти мы не отважимся, хотя бы она зеленела, как райские сады, на что не было никакой надежды. Точно так же отпадали северное и южное направления, так как на протяжении сотен километров здесь не предвиделось цивилизованного поселения. Нам оставалось надеяться на западный маршрут и стремиться к мексиканским поселкам на реке Дель-Норте: расстояние свыше трехсот километров. Прежде чем отважиться на такую дорогу, надо дать хороший отдых нашей разномастной упряжке. Наконец необходимо запастись провизией. Но где ее раздобыть?

Южный склон горы был более легким и пологим, чем северный, изрытый пропастями и трещинами. Отсюда я заключил, что при таянии снегов именно на юг должны низвергаться потоки. Значит, к югу нас ждет более плодородная земля. С этими мыслями я продолжал свой путь, пока не заметил купы ив и шелковичных деревьев на берегах источника, орошающего эту долину. Я тотчас к ним направился и обнаружил ключ, окаймленный лугами, годными для пастбища, более обширными и сочными, чем в районе нашей стоянки. Привязав лошадь к дереву, я вскарабкался на гору обозреть местность на юг и на запад. Но не успел я добраться до вершины, как меня поразил странный провал, зиявший в этом направлении на равнине. Заинтересовавшись этим явлением, я решил к нему приблизиться. Вернувшись к привязанной лошади, я вскочил в седло и поехал к котловине. Спустившись на дно ее, я невольно остановился, очарованный цветущим ландшафтом.

Вы не поверите, что я пережил в эту минуту. Только те из нас, чьи взоры долгое время покоились на бесплодной почве пустыни, могут понять впечатление от этой картины пышного плодородия, которое так внезапно ослепило меня. Осень была на исходе; леса, простиравшиеся у ног моих, одетые в самые яркие осенние уборы, казались поэмой, возникшей в воображении пламенного художника; в кустах щебетали птицы, и пряные ароматы разливались в воздухе. Несколько минут я простоял в экстазе в цветущей долине. Здесь не было никаких следов, никаких признаков человеческого жилья. Дымок не поднимался над деревьями, и в густых зарослях не слышно было голосов или хозяйственного шума – только щебетанье птиц и журчанье свежих струй. Этот чудесный уголок земли еще не был освящен трудом и страстями человека. Я сказал, что провел в этом блаженном созерцании несколько минут, но если бы была возможность, то простоял бы целые часы; однако солнце клонилось к западу, и надо было возвращаться. Я находился километрах в тридцати от стоянки, а на резвость замороженной лошади трудно было рассчитывать. Твердо решившись привезти сюда наутро всю нашу экспедицию, я тронул поводья и направился к лагерю. Лишь к полуночи я добрался до стоянки. Все, в общем, оказалось в порядке, только Мария была взволнована

моим длительным отсутствием. Однако мое появление и рассказ о виденных чудесах разве-
селили все общество. Решено было переменить стоянку и выступить на рассвете.

Глава XIII. Лось

Проснувшись на заре и наспех позавтракав, мы запрягли фургон, чтобы покинуть стоянку, названную нами «Лагерем Антилопы». Ручей, в свою очередь, был прозван «Бараньим источником». С часу дня мы достигли перевала и расположились на ночлег. Наутро я занялся поисками спуска в котловину. Несколько миль я проехал вдоль кручи, но, к удивлению моему, горы обрывались почти отвесно, и я уже думал, что земной рай для нас недостижим и лишь напрасно раздражил мое воображение. Наконец я подъехал к тому месту кручи, где, как вы заметили, спуск сравнительно легок. Здесь я набрел на спиральную горную тропу, хранившую отпечатки копыт антилоп и других животных. Как раз то, что мне нужно.

Я вернулся к фургону.

Так как большую часть дня я потратил на разведки, пришлось заночевать на месте. Лощина, в которой мы заночевали, была прозвана «Ивовым лагерем».

Наутро мы поднялись чуть свет. Достигнув спуска, мы остановили фургон. Мария с детьми осталась наверху, а мы с Куджо спустились вниз – исследовать котловину.

Меня поразила необычайная густота леса; деревья как бы сплетались между собой мощными ветвями, которые извивались, точно громадные змеи. Это была непроходимая чаща. Но многочисленное зверье, обитавшее в ней, проложило сквозь нее тропу.

Это была непроходимая чаща

Мы набрали на эту тропу, выводившую прямо к воде. Уровень воды стоял низко, русло почти пересохло. Дно высохшей речки представляло собой отличную дорогу для фургона.

Я вернулся к семье, привел сюда фургон. Мы поехали вниз по течению.

Приблизительно в трех милях от котловины лес немного поредел, и в чаще показались просветы. На правом возвышенном берегу ручья тянулась довольно обширная прогалина, на которой росли одинокие деревья. Пологий спуск зеленел сочными травами, пестрел цветами. Место было очаровательное. Какие-то животные, испуганные нашим приближением, шарахнулись в чащу. Несколько минут мы молча созерцали прелестную картину. Птицы с ярким оперением, оглашая воздух звонким щебетаньем, порхали с ветки на ветку, сливаясь с многоцветной листвой. Это были каролинские попугаи, голубые сойки, тругшалы и прекрасные клесты двух разновидностей – пурпурные и голубые²⁹. Сказочно пестрые бабочки с большими легкими крыльями бесшумно кружились над цветами. Некоторые из них были величиной с птиц, другие – даже больше. Крошечные птички – колибри³⁰, величиной с пчелок – сверкали на солнце, как драгоценные камни, прильнув к раскрытым чашечкам цветов.

Воистину дивное зрелище. Мы с Куджо решили, что лучшего места для стоянки не найти. Под стоянкой, или лагерем, мы разумели место временного отдыха, который подкрепит быка и лошадь и позволит нам запастись провизией для дальнейшего путешествия. Подчеркиваю, друзья мои, что я имел в виду временную стоянку. Однако мы и сейчас находимся на том же месте. Этот дом построен на луговине, которую я вам только что описал. Но вас еще больше удивит, когда вы узнаете, что в эпоху моего рассказа не было даже намека на озеро, сверкающее перед вашими глазами.

Место озера было покрыто пышной растительностью и деревьями, то разбросанными в одиночку, то соединенными в небольшие купы, что производило впечатление искусственного парка. При желании вы могли вообразить, что позади парка скрывается великолепный дом, а вся эта зеленая красота является лишь преддверием к фантастической усадьбе.

Мы с Куджо остались в котловине лишь самое краткое время, необходимое для общего осмотра. Мария, конечно, беспокоилась, и мы поспешили к фургону.

Часа через три фургон со своим парусиновым тентом, выделявшимся, как снег, среди яркой зелени, остановился на лугу. Лошадь и бык, изнемогавшие от усталости, нашли здесь роскошное пастбище. Девочки резвились на лужайке под сенью густой магнолии, а мы с Куджо и взрослыми мальчиками немедленно принялись за работу. Вокруг нас, к великой радости семьи, щебетали и рассыпались трелями птицы. Они подлетали вплотную к стоянке, садились на ближайшие ветви. Очевидно, любопытство их было возбуждено появлением таких странных существ, как мы, в нераздельно принадлежавшей им области. Но если птицы впервые видели людей, нам нечего было опасаться встречи с себе подобными.

Как это ни странно, из всех живых существ мы меньше всего желали встретиться с человеком. Ведь мы отлично знали, что здесь могут появиться только краснокожие, то есть беспощадные враги.

День был на исходе. Мы решили прекратить всякие хлопоты и отдохнуть. Путешествие с фургоном по руслу пересохшего ручья чрезвычайно нас утомило: все время приходилось отваливать камни и даже расчищать дорогу в зарослях топором. Но теперь все трудности были преодолены, и мы себя почувствовали комфортабельно, как дома. Куджо разложил костер, а чугуны и кастрюли повесил над огнем.

Сооружение его состояло из двух крючковатых палок, воткнутых в землю по сторонам огня, и третьей, расположенной на крючках горизонтально.

Вскоре наш походный котелок наполнился прозрачной водой, и, когда она закипела, в нее всыпали щепотку ароматного кофе. Остатки антилопы, подвешенные к огню, аппетитно подрумянились. Мария снова поставила большой ларь и покрыла его выстиранной накануне

скатертью. Наши чашки и оловянные тарелки, ярко вычищенные, были расставлены в строжайшем порядке. Покончив со всеми приготовлениями, мы уселись вокруг огня в ожидании, пока поджарится дичь. Куджо подвесил окорок антилопы на длинной веревке и ловко поворачивал его во все стороны, подставляя огню, как на самом лучшем патентованном вертеле. Внезапно внимание наше привлечено было шумом, исходившим из леса, окаймлявшего долину. Шум был похож на похрустывание сухих листьев под копытами какого-то грузного зверя.

Все взгляды обратились в ту сторону. Вдруг трое больших животных появились на подступах к лужайке с явным намерением ее пересечь.

Вначале мы приняли их за оленей; у них были длинные ветвистые рога, но ростом они отличались от всех виденных нами оленей. Самый крупный зверь был величиной с лошадь, а ветвистые рога, качаясь над их головами, производили внушительное впечатление. По этим-то разветвленным и изогнутым рогам мы приняли их за оленей. И в самом деле, сходство было немаленькое. Однако почему они все-таки не похожи на рыжевато- и пегих оленей, какие водятся в английских парках и рощах при замках? Это были лоси, гигантские лоси Скалистых гор.

Выступив из чащи, они пошли все трое рядом, с гордой осанкой и непоколебимой уверенностью, которую им внушали их сила и рост, а также мощное оружие нападения и защиты – ветвистые рога, в самом деле опасные для противника.

Наконец они заметили фургон и огонь костра – предметы, до сих пор им не знакомые. Они остановились, тряхнули головой, понюхали воздух и продолжали нас рассматривать с выражением крайнего удивления.

– Сейчас они убегут, – шепнул я на ухо Куджо. – Через мгновение они поскачут во весь опор, и мы уже не достанем их из карабина.

Как только они появились, я приготовил карабин и зажал его между ног. И Генри с Франком схватили свои карабины.

– Какая жалость, мистер Ролф, – вздохнул Куджо, – подумайте, сколько в них жира!

Я уже подумывал, не лучше ли подползти к ним на четвереньках, когда, к великому нашему удивлению, вместо того чтобы обратиться в бегство или попятиться, лоси сделали несколько шагов по направлению к нам и вновь остановились, потряхивая головой и шумно потягивая воздух. Повторяю, нас всех это крайне удивило, так как лоси считаются исключительно осторожными животными. Но инстинкт заставляет их насторожиться лишь в тех случаях, когда перед ними уже знакомая опасность; зато, подобно многим родственным им животным, например антилопам и оленям, они доверчиво приближаются к совершенно незнакомой вещи.

Благодаря любопытству лосей расстояние между нами еще немного сократилось, и я уже надеялся, что они подойдут совсем близко. Вот почему я приказал спутникам не шуметь, не шевелиться.

Казалось, что фургон с его белой парусиной составляет наибольшую приманку для странных гостей; они созерцали его большими удивленными глазами. Затем еще немного приблизились, потом снова остановились; подошли еще ближе – и замерли.

Так как фургон стоял недалеко от костра, возле которого мы сидели, то смелые и наивные животные, постепенно к нам приближаясь, иногда попадали под прикрытия фургона; но вдруг вожак выступил так соблазнительно, что его нельзя было не взять на прицел. Я нацелился, как мне казалось, в сердце и спустил курок.

– Мимо! – воскликнул я с досадой, видя, что вся тройка повернулась и с достоинством удалилась как ни в чем не бывало.

Страннее всего было то, что они не ускакали, как олени, а удалились легкой рысцой, скорость которой не уступала конскому галопу.

Собаки, которых Куджо придерживал до сих пор за шеи, были пущены им вдогонку и с громким лаем принялись их травить. Вскоре лоси и собаки скрылись из виду, но в течение некоторого времени мы еще слышали шорох сухих листьев под копытами лосей, треск кустарника и собачий лай.

Я не надеялся, что наши псы их настигнут, и отнюдь не собирался следовать за ними; но внезапно лай собак перешел в свирепое рычание, как будто у них завязалась борьба с лосями.

— Быть может, я подстрелил одного из них, и собаки его догнали. Вперед, Куджо! Бежим, посмотрим! А вы, мальчики, останьтесь с матерью и охраняйте ее...

Я выхватил карабин у Генри, так как мой был уже разряжен, пересек в сопровождении Куджо лужайку и побежал по следам, протоптанным лосями и собаками.

Проникнув в заросли, я заметил, что листья запятнаны кровью.

Мы старались бежать как можно быстрее, грудью и руками раздвигая густой кустарник. Я обогнал менее проворного негра и, направляясь к месту, откуда доносилось хриплое рычание собак, вскоре вышел на арену борьбы.

Лось, припавши на колени, оборонялся рогами, меж тем как одна из собак, валявшаяся на земле, выла от боли. Другая, еще не выбывшая из строя, пыталась атаковать зверя с тыла, но лось кружился на коленях, как волчок, и всякий раз собака встречала отпор в виде мощных направленных на нее рогов.

Я опасался, что лось прикончит мою собаку, и, выстрелив наспех, не обращая внимания на промах, бросился на лося, чтобы добить его прикладом карабина. Я ударил его изо всех сил, наметившись в голову, но и на этот раз промахнулся и — о, ужас! — оступился и упал как раз в промежуток между ветвистыми рогами. Я выронил карабин, схватил лося за концы рогов и собирался отпрянуть. Но не успел я отпустить рога, как зверь вскочил на все четыре ноги и могучим рывком головы подбросил меня в воздух на большую высоту. Я упал на упругую сетку ветвей, крепко ухватился за дерево и нашел в нем защиту. Это меня спасло.

Не успел я отпустить рога, как зверь вскочил на все четыре ноги и могучим рывком головы подбросил меня в воздух

Разъяренное животное прыгало вокруг, удивляясь, что не может до меня дотянуться. Несомненно, если бы я упал прямо на землю, не удержавшись на ветвях, лось растерзал бы

меня в клочья. В течение нескольких минут я не шевелился, оставаясь там, куда отшвырнул меня лось, и наблюдая происходящее внизу. Собака продолжала атаковать лося; но, обескураженная, очевидно, поражением своего товарища, лишь покусывала лося каждый раз, когда подвергались его бока. Другой пес, валявшийся в кустарниках, продолжал жалобно выть.

Наконец появился Куджо, которого я опередил, продираясь сквозь чащу. Я видел, как он удивленно вращал белками, обнаружив карабин, брошенный на землю, и никаких признаков самого Ролфа. Едва успел я криком предупредить его об опасности, как лось уже заметил негра и, наклонив голову, ринулся на него с протяжным и страшным мычанием.

Я дрожал от страха за верного своего помощника; он был вооружен хорошим индейским копьем, подобранном в лагере после избиения наших товарищей, но я не надеялся, что ему удастся отразить таким первобытным оружием разъяренного врага. Куджо, казалось, окаменел от ужаса, и я уже видел его лежащим на земле и вздетым на воздух острыми рогами.

Однако я недооценивал находчивости Куджо. Когда рога приблизились на два фута к его груди, он, как белка, вскарабкался на дерево, и лось ударил мимо. Этот маневр совершился настолько стремительно, что мне померещилось, будто негра постигла моя судьба, то есть что лось швырнул его на воздух. Но вскоре индейское копье вонзилось в бока животного. Ни один испанский матадор не вышел бы лучше из затруднения.

Я радостно вскрикнул при виде грузно падающего зверя, соскочил с наместа и побежал к Куджо. Лось уже издыхал, а Куджо склонялся над ним – самодовольный и торжествующий.

– Мистер Ролф! Мистер Ролф! – произнес Куджо с важностью, в которой просвечивало удовлетворенное самолюбие. – Негр справился со зверем; он уже не проткнет рогами грудь верного Кастора, – и Куджо погладил собаку, больше всех пострадавшую от рогов.

Вскоре к нам присоединился Генри, встревоженный шумом борьбы: он не выдержал бездействия и, вопреки моему распоряжению, покинул стоянку. Свой карабин мальчик нашел в полной исправности. Тем временем Куджо вытащил нож и принялся свежевать зверя по всем правилам искусства. Лось весил по меньшей мере тысячу фунтов, и немислимо было доставить его в лагерь без помощи лошади или быка. Поэтому мы решили снять с него шкуру и произвести свежевание на месте. Надо было сбегать в лагерь за кое-какими приспособлениями, и, кстати, чтобы известить остальных о нашем триумфе. Вернувшись, мы тотчас же принялись за дело. До захода солнца в нашем распоряжении было около тысячи фунтов свежего мяса, подвешенного к деревьям вокруг стоянки.

Глава XIV. Гибель быка

Мы поднялись, по обыкновению, на рассвете, позавтракали котлетами и подкрепились кофе. Потом задумались, что бы такое неотложное предпринять. Мясом мы были обеспечены на самую длинную дорогу; оставалось придумать, как его консервировать. Задача нелегкая, принимая во внимание, что у нас не было ни крупинки соли. Трудность казалась непреодолимой. Я говорю: «казалась», ибо тотчас же вспомнил способ заготавливать мясо впрок без употребления соли – способ, применяемый испанцами и вообще в странах, где соль редка и дорога. Особенно охотно им пользуются трапперы и охотники, когда им нужно консервировать мясо бизона или другого зверя, которого посчастливилось убить. Засушенное таким образом мясо называется по-испански «тасахо».

Мы с Куджо принялись за дело. Прежде всего развели большой костер, подбросив в него как можно больше свежих, только что наломанных ветвей. Пламя, конечно, тлело медленно и сильно дымило. Затем мы воткнули в землю несколько колышков вокруг костра и обвязали их веревкой. Части туши лося были сняты с деревьев, кости отложены в сторону, а мясо разрезано на длинные ломти, фута в три каждый. Эти ломти мяса мы подвесили к веревкам, предоставив их действию дыма и жара, пышущего от костра с тем, чтобы они коптились, но не жарились. Нам оставалось лишь присматривать за огнем, быть готовыми к нападению волков, а также отгонять собак, которые покушались на мясо, подвешенное к веревкам. Дня через три мясо лося было великолепно прокопчено, и мы были уверены, что оно не испортится даже за самую длинную дорогу.

В течение этого времени мы держались в непосредственной близости от лагеря. Охотой мы могли увеличить свои мясные запасы и внести кой-какое разнообразие в свое меню, но наши насущные потребности были обеспечены. Кроме того, решено было беречь до последней крайности порох и тратить его лишь в самых серьезных случаях; и, наконец, по соседству обнаружены были следы медведя и пантеры.

Нам отнюдь не улыбалась встреча с такими гостями в непроходимом девственном лесу, и во избежание ночного посещения, больше всего опасаясь незваных гостей во время сна, мы опоясали лагерь огнями, поддерживая костры до самого утра.

Однако мы не терпели недостатка в свежей дичине, притом в самой изысканной и разнообразной. Мне удалось подстрелить дикого индюка³¹, который забрался к нам на лужайку вместе с товарищами и дал взять себя врасплох. Это была большая жирная птица фунтов двадцать весом, и вы мне поверите на слово, что мы съели ее с неменьшим аппетитом, чем неповоротливых индюшек, которые кудахчут у фермерши на птичьем дворе.

На третий день лосиное мясо прокоптелось. Мы сняли его с веревок и небольшими свертками погрузили в фургон. Теперь мы ждали, чтоб отдохнули животные. С утра до вечера бык с лошастью паслись на сочном лугу у нас перед глазами; они уже начинали заметно жиреть, и, глядя на них, мы радовались быстрому выступлению.

Как призрачны, однако, бывают человеческие надежды: в ту самую минуту, когда мы так ликовали, надеясь выбраться из нашей девственной тюрьмы, совершенно непредвиденное обстоятельство отсрочило отъезд на долгие годы.

Дело происходило за обедом, на четвертый день нашего прибытия в котловину. Мы кончали обедать. Мария с Луизой беспечно резвились на зеленой лужайке.

Мы с женой говорили о маленькой Луизе, о трагической гибели ее родителей, которые, по нашим предположениям, были убиты краснокожими. Следует ли скрывать от девочки участь отца и матери или же, когда она подрастет, рассказать ей печальную историю? Затем мы перешли к смерти моего друга, шотландца. Мы направлялись в чужую страну, где у нас не было ни близких, ни знакомых, даже языка этой страны мы не понимали; кроме того,

условия жизни там были тяжелые и для коренных обитателей, а тем более для пришлых людей. Что с нами станет? Будущее внушало нам самые горькие опасения; но недолго пришлось нам терзаться.

– Не бойся, – сказала храбрая жена, взяв мою руку и поглядев на меня с нежностью. – Преодолев столько трудностей, мы можем смело глядеть в лицо будущему.

– Милая Мария, – ответил я, ободренный ее словами. – Ты права: не будем унывать!

В это самое мгновение со стороны леса послышался странный звук. Отдаленный вначале, он постепенно приближался, похожий на рев обезумевшего от страха и боли животного. Я оглянулся: одна только лошадь паслась на лужайке. Рев из лесу становился все сильнее и яростнее; несомненно, это мычал бык. Но что с ним случилось? Вновь послышался этот ужасающий рев, причем было ясно, что бык ревет на ходу и приближается к нам.

Я схватил карабин; Франк и Генри тоже вооружились, Куджо потянулся к индейскому копыю; даже собаки вскочили, готовые броситься, куда им прикажут.

Вновь повторился потрясающий рев, на этот раз сопровождаемый шорохом листвы и треском веток, словно какое-то грузное животное ломилось в густые заросли. Испуганные птицы с писком попрятались в кустах, лошадь как-то странно ржала, собаки нетерпеливо лаяли, а дети плакали. Наконец в листве мелькнуло рыжевато-красное пятно: мы тотчас узнали нашего быка. Неужели за ним гнался какой-нибудь хищник? Увы, хищник уже настиг быка!

Мы застыли в ужасе: шею быка обхватили мощные звериные лапы. Вначале нам показалось, что эта густая коричневая шерсть принадлежит самому быку: до такой степени плотно сжимал его хищник. Но по мере их приближения мы разглядели продолговатые когти и короткие мускулистые лапы страшного зверя. Взгромоздившись на быка, он прислонился головою к его шее. Раненый бык истекал кровью. Странный хищник впился клыками в шейную артерию быка и высасывал кровь.

Бык, выскочив из зарослей, замедлил ход и замычал слабее; потом он вновь попытался бежать, очевидно, надеясь добраться до лагеря. Вскоре он очутился посреди луговины, но силы покинули его, и с протяжным мычанием, перешедшим в предсмертный хрип, он свалился на землю.

Странный зверь, потревоженный толчком, отпустил свою жертву и бросился на ее труп.

Я тотчас узнал в хищнике грозного канадского каркажу; он тоже нас заметил и собирався на нас ринуться. В один прыжок он очутился между детьми и Марией.

Мы с мальчиками дали залп из карабинов, но, так как целиться было некогда, мы, конечно, промахнулись. Тогда я схватил нож и бросился вперед. Куджо на этот раз оказался более проворным: железный наконечник его копья сверкнул на солнце и вонзился в густую шерсть. Чудовище глухо зарычало, обернулось, и я с облегчением убедился, что копьё проткнуло ему горло. Но, вместо того чтобы бежать, зверь ухватился за древко копья и заставил Куджо отступить в страхе перед его могучими когтями. Не успел Куджо отскочить в сторону, как я выстрелил зверю в грудь из самого крупного пистолета. Пуля оказалась смертельной: хищный зверь в судорогах свалился на землю.

Мы были спасены, но бедный бык, который должен был помочь нам выбраться из прерии, без признаков жизни лежал на траве.

Глава XV. Бесплодные поиски

В одно мгновение рассыпалась прахом надежда когда-либо покинуть цветущую котловину: лошадь никогда не вывезет фургона, а если мы далее решимся выйти в прерии пешком, то не сможем захватить с собой достаточных запасов воды и провизии. Наконец слабая женщина с детьми на руках не выдержит длительного перехода.

Чем больше я думал, тем глубже отчаивался. Значит, мы навеки себя похороним в этой глуши! Какие шансы у нас когда-либо ее покинуть? Ни одно человеческое существо не придет нам на помощь. Быть может, мы первые люди, попирающие эту землю. Ведь возможно, что охотники или краснокожие, посещавшие горы, до сих пор не заметили прекрасно замаскированной котловины.

Нельзя было надеяться, что случай приведет сюда какой-либо переселенческий или торговый караван: нас опоясывала непроходимая пустыня; кроме того, гора была расположена значительно южнее всех известных мне троп, пересекающих прерию.

Оставалась одна только надежда, и я ухватился за нее со всей силой отчаяния: быть может, на юг и на запад пустыня простирается не так далеко, как это кажется. Разломав наш фургон и построив из досок легкую повозку, мы предпримем последнюю попытку.

Пока что я решил отправиться на разведку один, чтобы исследовать местность в двух названных направлениях. Если одно из них приемлемо, мы немедленно выполним свой план.

Наутро я навьючил лошадь провизией и возможно большим запасом воды, простился с женой и детьми и, вскочив на коня, направился на запад.

Полтора дня я углублялся в прерии, и все та же бесплодная пустыня расстилалась вокруг. Думаю, что я прошел небольшое расстояние, так как лошадь увязала по колени в зыбучих движущихся песках. На второй день, после полудня, я решил прекратить дальнейшую разведку, опасаясь, что не сумею вернуться в лагерь. На стоянку, однако, я вернулся — и лошадь, и я были полумертвые от жажды.

Жену и детей я застал в хорошем состоянии, но вести принес дурные. Усевшись у огня, я предался мрачному раздумью.

Так прошел день. Сидя у костра на обрубке дерева, я все размышлял о нашем беспросветном будущем; мною овладела полная безнадежность, и я не видел, что происходит вокруг.

Внезапно кто-то коснулся моего плеча: рядом сидела Мария с довольной улыбкой на лице. Очевидно, она хотела что-то сообщить мне.

— Что случилось, Мария? — спросил я.

— Не правда ли, эти места очаровательны? — сказала жена, обводя рукой весь цветущий зеленый ландшафт.

Я невольно взглянул вместе с ней на жизнерадостную картину. Здесь было в самом деле чудесно: открытая луговина, позлащенная солнцем, сверкала изумрудной зеленью; листва окружающих лесов была раскрашена в пышные цвета осени; в отдалении возвышались иссиня-черные холмы, покрытые кедрами и соснами, составляя художественный контраст с пестрой котловиной; еще дальше, наконец, белели снежные пики, холодным серебром отливая в лазури и освежая воздух легкими струнками холода. Казалось, нельзя было насытиться созерцанием этой картины.

— Ну что ж, Мария, — ответил я. — Место в самом деле райское; но нам-то что от этого? Мария странно улыбнулась.

— Какой ты чудак, Роберт! Если здесь хорошо, для чего же нам рваться отсюда?

— Для чего? Для чего? — повторил я за ней, ошеломленный такой постановкой вопроса.

– Пойми меня, – продолжала жена. – Мы ищем крова, хотим где-нибудь обосноваться... Отчего бы нам здесь не осесть? Где мы встретим такие места, если далее нам удастся приобрести землю?

– Что с тобой, Мария? – воскликнул я с удивлением. – Разве ты сможешь жить, отрезанная от людей и всего цивилизованного мира, ты, с твоим образованием, привычкой к обществу, светскими вкусами?..

– Очень нужны мне светские радости, – иронически ответила жена. – Разве дети мои не со мной? Ты и дети – вот мое общество. На худой конец этого достаточно, не правда ли? Наконец, о каких людях ты говоришь?.. До сих пор нам приходилось иметь дело с торгашами и шарлатанами. С меня довольно. Таким обществом я сыта по горло. Разве ты не помнишь, как они ощипали нас? Видно, мы с тобой не приспособлены для горячной деловой жизни, которая кипит кругом в Америке; ты слишком наивен, чтобы закрепить за собой место рядом с крупными, энергичными дельцами. Что до меня, за эти немногие дни я извела здесь, в котловине, самое подлинное счастье, какого нигде не испытывала. Подумай серьезно, Роберт, прежде чем бросить эти чудные места.

– Но ты себе представляешь, Мария, трудности, на какие мы себя обрекаем, поселившись в такой глуши?

– Да, я все обдумала, когда ты уезжал на разведку. В пропитании здесь недостатка не будет: места достаточно богаты; здесь мы найдем все необходимое, о роскоши, надеюсь, мечтать не будем.

Слова жены произвели на меня странное впечатление. До сих пор мне и не приходило в голову, что можно обосноваться в оазисе; мысль моя изошрялась над тем, как отсюда выбраться. Теперь я как-то сразу просветлел и успокоился. Непрерывная цепь мошенничеств, жертвою которых мы сделались, железная хватка дельцов и спекулянтов, горькие разочарования, постепенное ухудшение нашего положения – все это отбивало у меня охоту к возвращению в цивилизованный мир.

Я все более склонялся к плану Марии.

Наморщив лоб, я постарался взвесить, насколько реален ее замысел, насколько облюбованная женой местность позволит нам довести до конца этот дерзкий план.

Теперь мы знали, что долина изобилует дичью. У нас были карабины и, к счастью, достаточно пороха: моя пороховница, да еще у Франка и Генри по фунту пороха; когда порох и дробь иссякнут, мы придумаем другой способ охоты. К тому же долина представляла собой цветущий сад с множеством корней и плодов; с образцами их мы уже познакомились. Мария, с ее познаниями в ботанике, научит нас их употреблению. Итак, водой и пищей мы обеспечены.

Чем больше я вдумывался в этот план, тем более осуществимым он мне казался. Вскоре я вполне разделял восторженные мечтания моей жены.

Призвали на совет Куджо, Франка и Генри и получили их радостное согласие. Особо доволен был Куджо, который привык к нашей семье и давно уже не чувствовал себя рабом, а полноправным нашим товарищем; ему отнюдь не хотелось возвращаться в цивилизованные края, где превратности судьбы могли вернуть его в прежнее состояние и где соплеменники его изнывали под бичами плантаторов. Что касается детей, им, конечно, улыбалась привольная новая жизнь.

Опасаясь опрометчивого решения, мы оставили вопрос открытым.

Но этой ночью одно непредвиденное событие склонило нас остаться в долине, покуда не явится возможность переменить ее на что-нибудь лучшее.

Глава XVI. Таинственное наводнение

Итак, еще вечером я колебался; мне было страшно обосноваться здесь на весь остаток моих дней, без всякой надежды на перемену образа жизни. При всей энергии и изобретательности мы вряд ли сумеем удовлетворить здесь все наши потребности. Даже обработав всю долину, мы будем лишены возможности сбыть куда-либо излишек продуктов.

Надо будет удовольствоваться первобытным накоплением, заранее отказавшись от обмена, от превращения продуктов в товары, от всякой связи с денежным рынком. Меня это смущало, не скрою. Но Мария с чисто женской настойчивостью убедила меня, что от добра добра не ищут, что погоня за деньгами нас погубит и что лучшего места для фермы и плантации мы нигде не найдем.

По-своему она была, конечно, права; но во мне был силен инстинкт накопления, унаследованный мною от фермера-отца; я испытал на себе власть денег, потребности мои были широки и разнообразны, и не так-то легко было сразу отрезать себе путь к успеху, как его понимает современное общество.

— Если бы мы научились, — говорил я, — производить здесь хоть какой-нибудь продукт, хоть какую-нибудь земледельческую культуру, заготавливая впрок ее плоды, с тем, чтобы реализовать их, когда мы войдем в соприкосновение с внешним миром! Только тогда наши труды не будут потеряны и мы заживем счастливо.

— Кто знает, — подхватила Мария, — быть может, нам удастся напасть на такую культуру и создать запасы, о которых ты говоришь. Тогда мы уже не будем отрезаны от хозяйственного оборота страны, и в этой девственной глуши ты будешь работать с сознанием, точно готовишься к переезду в Новую Мексику. А разве там у нас больше шансов, чем здесь? Ведь мы совершенно разорены: придется строить на пустом месте. А тут у нас и пища, и земля — земля, которая сама плывет в наши руки, земля, за которую не надо платить. Нигде мы не найдем ничего подобного. Здесь мы построим наш очаг, Роберт, и кто знает, как развернется наше хозяйство в пустыне!

При этих словах мы рассмеялись. Мария, конечно, пошутила, не придавая особого значения своей шутке.

Наша беседа затянулась, и время клонилось к полуночи. Когда взошла луна над восточными холмами и мы уже собирались улечься спать в фургоне, мы заметили одно чрезвычайно странное обстоятельство и вскрикнули от удивления.

Как вы уже знаете, в год нашего прибытия на месте теперешнего озера был зеленый луг, покрытый кустарниками и деревьями. По луговине бежал источник, тот самый, который сейчас впадает в озеро и направляется вниз. Но в те времена берега ручья были совершенно плоскими, и вода текла по неглубокому руслу. Еще в пути, сидя вокруг костра в лунные ночи и разглядывая дальнюю гору, мы заметили этот ручей, блестящий серебряной змейкой на фоне темной зелени. Но теперь, к нашему великому удивлению, вместо узкой и длинной полоски перед нами сверкала широкой гладью целая запруда. Она занимала пространство в четыреста шагов и простиралась на большое расстояние от нашей стоянки. Зрение нас не обманывало. Перед нами была настоящая вода. Луна, поднявшись над горами, отражалась в ее спокойной зеркальной поверхности. Сомнений не оставалось. Не веря своим глазам, я с Куджо и мальчиками побежал к новоявленному озеру. Через минуту мы были на берегу этого озера, возникшего точно по волшебству.

Вначале мы с любопытством созерцали это странное явление природы, но по мере того, как вода прибывала, удивление наше сменялось некоторой тревогой: вода доходила нам уже до колен и медленно заливала пологий скат горы, подобно морскому приливу

Мы стояли в глубоком молчании, но сердце билось учащенно. По нашим догадкам, какой-то страшный сдвиг горных пластов или, быть может, обвал кручи засыпал нижнее течение ручья и закрыл ему путь в долину. Если это действительно так, то котловина через несколько часов будет затоплена. Вода зальет не только место нашей стоянки, но покроет даже верхушки самых высоких деревьев. Можете себе представить, какой ужас внушили нам эти опасения. Мы бегом вернулись к стоянке, твердо решив сняться с места и покинуть котловину, если еще не поздно. Куджо занялся лошадью, Мария, разбудив девочек, перевела их в фургон, меж тем как я с мальчиками наскоро укладывал самое необходимое.

До этой минуты мы не задумывались над трудностью, скажу даже больше – над невозможностью – выбраться из долины. Но теперь эта трудность стояла перед нами во весь рост. Дорога, по которой мы спустились в котловину – пересохшее русло ручья, – совершенно исчезла под водой, уровень которой стоял значительно выше берегов источника.

Между тем другого пути не представлялось. Чтобы пробиться через лесную чащу, потребуется несколько дней. К тому же, направляясь к стоянке, мы в одном месте пересекли ручей; теперь он, конечно, набух, превратился в многоводный поток, и переправа через него невозможна. Мы справедливо опасались, что нижняя часть лощины уже залита водой и что бегство в этом направлении немыслимо.

Не сумею вам описать смятение, овладевшее нами, когда выяснились все эти грозные обстоятельства. Мы покидали нашу стоянку. Каждый был нагружен по мере сил, но попытка являлась заранее обреченной на неудачу, и в порыве безнадежности мы бросили на землю кое-какие вещи из нашей утвари. Вода все прибывала, озеро увеличивалось на наших глазах.

Завыли волки, потревоженные стихией в своих тущобах; птицы, проснувшись, замечались на ветках с тревожным чириканьем, и собаки подняли лай, заметив неладное.

В лунном сиянии мы видели, как олени и дикие звери, охваченные ужасом, перебегают луговину.

Не хочется верить, что мы погибли. Неужели нас захлестнет этот странный, таинственный поток?

Что делать? Вскрабкаться на деревья, но это нас не спасет. Но блестящая идея осенила мой мозг:

«Плот! Нам нужен плот. В нем наше единственное спасение!»

Все меня поняли с полуслова. Куджо схватил топор, а Мария перерыла весь фургон в поисках веревок. Увидев, что веревок недостаточно, я нарезал ремней из лосиной кожи.

Вокруг стоянки было много сухих длинных стволов, давно засохших и попадавших на землю. Среди них я узнал прекрасное тюльпанное дерево, из которого индейцы мастерят свои лодки, когда им удастся найти достаточно длинные стволы. Дерево это в самом деле исключительно легкое и нежное, и кубический метр его весит не больше двадцати шести фунтов. Сам работая не покладая рук, я приказал Куджо нарубить побольше стволов одинаковой длины. Куджо, не имеющий себе равных в искусстве владеть топором, быстро управился с задачей. Мы связали брусья веревками и ремнями, закрепив их поперечными перекладами. Соорудив плот, мы втащили на него наш большой ларь с копченым мясом, одеялами и самой необходимой утварью. О воде мы не беспокоились: ее было достаточно вокруг.

На сооружение плота ушло не менее двух часов. В горячке работы мы перестали следить за подъемом воды. Закончив все приготовления, я возвращаюсь к озеру. Жду несколько минут и вижу, что вода остановилась. Я тотчас же оглашаю эту радостную новость, спутники подбегают ко мне, чтобы удостовериться в благоприятном повороте событий. В течение получаса мы стоим на берегу новоявленного озера и наконец убеждаемся, что вода больше не прибывает. Тут мне приходит в голову, что вода в нижней части ущелья прорвала плотину, созданную обвалом, или перекатилась через нее.

– Какая обида, мистер Ролф, – вздохнул Куджо, возвращаясь к фургону, – что мы напрасно построили такой чудесный плот!

– Ах, Куджо! – попрекнула его жена. – Никогда не следует жалеть о времени, потраченном на меры предосторожности. Пускай мы не нуждаемся больше в плоту, но он сослужил свою службу: вспомни ужас первой минуты наводнения и чувство радостной безопасности, овладевшее нами, как только мы приступили к связыванию плота. Люди в нашем положении никогда не бывают достаточно предусмотрительными. Лентяям и разиням лучше не соваться в такие приключения.

Было уже поздно, вернее начинался новый день, и Мария пошла спать в фургон к девочкам; а мы с Куджо, не доверяя своенравному горному потоку, решили бодрствовать до полного рассвета, чтобы новый подъем воды не застал нас врасплох.

Глава XVII. Бобры

Уже совсем рассвело, но таинственно поднявшаяся вода держалась на прежнем уровне. Я называю подъем воды таинственным лишь потому, что причина его нам была неизвестна. Как я уже сказал, мы объясняли наводнение обвалом какой-нибудь кручи в нижней части ущелья. Нам не терпелось разобраться в этом странном явлении, и с восходом солнца я решил пробиться сквозь чащу и разъяснить сомнение. Явление было не только странным, но и в высшей степени тревожным.

Я отправился один, поручив охрану лагеря Куджо с его длинным копьем и мальчикам с их карабинами. Сам я захватил ружье и наш кухонный топорик, чтобы расчистить дорогу в зарослях.

Дорогу в лесу мне освещали первые лучи солнца. Я направлялся на юго-запад, рассчитывая выйти к ручью немного ниже, а затем следовать по его течению. С трудом продираясь в диком сплетении ветвей, я через два приблизительно километра внезапно вышел к ручью.

Представьте себе мое удивление: ручей не только не разбух, но стал даже мелководнее, чем раньше. В то же время я заметил, что вода в нем помутнела и что в ней плавали зеленые листья и свежие стебли, увлекаемые потоком.

Я поднялся вверх по течению, думая найти там запруду, и ломал голову над тем, какое же именно явление природы могло задержать течение ручья: случайное падение ствола дерева, даже самого массивного, не могло объяснить происшедшего. Берега ручья были пологие, и возможность обвала или оползня исключалась. Я начинал уже думать, что здесь замешаны люди, и нагнулся к земле, ища человеческих следов. Их, правда, не оказалось, но следов зверья – сколько угодно.

Я продвигался с осторожностью: не обнаружив никаких признаков человека, я все же опасался встречи с индейцами, считавшими всякого белого врагом. Наконец я достиг излучины, выше которой, по моим воспоминаниям, русло суживалось и начиналась довольно глубокая теснина. Это я помнил великолепно, так как, проникая в долину, мы были вынуждены именно в этом месте покинуть с фургоном русло потока и поехать лесами в обход. Здесь, по всей вероятности, я выясню, каким образом был запружен ручей.

Я подбирался к излучине, крадучись вдоль берега, и осторожно заглянул вниз, раздвинув чащу.

Странное зрелище представилось моим глазам.

Как я и предполагал, ручей был запружен именно в том месте, где русло суживается. Но плотина была не случайной помехой, а правильным искусственным сооружением.

Поперек ручья был опрокинут большой ствол. Сильно надломленный, он не окончательно отделился от основания, но держался на многочисленных уцелевших волокнах.

На том берегу ручья, куда запрокинулась крона надломленного дерева, ее припечатывала куча камней, смазанных илом, чтобы она держалась прочнее. Дерево подпиралось длинными колышками. Они образовывали подобие частокола, снизу заваленного для устойчивости камнями. Позади этого частокола новые колышки, перехваченные ветками и закрепленные камнями и опять-таки обмазанные илом. Вся постройка представляла собой плотину в шесть футов толщиной, с плоским верхом и некоторым уклоном к нижнему течению ручья; к верхнему она обрывалась почти отвесно. Крыша плотины была покрыта илом. Два узких шлюзовых отверстия скупно пропускали воду, стекавшую на парпет.

Казалось, это архитектурное сооружение было делом человеческих рук. На самом же деле – ничего подобного.

Строители находились у меня перед глазами. В данную минуту они как будто отдыхали. Их была по крайней мере сотня; они растянулись на земле и на крыше новой плотины.

Строители находились у меня перед глазами. В данную минуту они как будто отдыхали

Коричневые или темно-каштановые зверьки напоминали гигантских крыс; не хватало лишь длинных, заостренных хвостов. У них были выгнутые спинки и плотные закругленные туловища, как у всех животных, родственных крысам; зубы острые, режущие, характерные для семейства грызунов³²; эти зубы я хорошо разглядел, так как животные пользовались ими ежеминутно. По два широких и острых клыка на каждой челюсти выпячивались даже при спокойном положении рта. Уши были короткие, наполовину прикрытые шерсткой. Все тело в длинном лоснящемся меху. По сторонам ноздрей росли пучки щетины, словно кошачьи усы. Глазки маленькие и высоко посаженные, как у выдры. Передние лапы короче задних, но и те и другие – с пятью коготками. Однако на задних лапах, больших и широких, пальцы были связаны перепонкой.

Так вот чьи следы я видел, приближаясь к ручью.

Самой интересной частью у этих животных был хвост, совершенно обнаженный, темно-коричневого цвета, как будто обтянутый шагренью. В длину он имел не больше фута, несколько дюймов в ширину и в толщину и напоминал ракетку для игры в гольф, только потолще и с закруглением в конце.

Зверьки эти были крупнее и в то же время короче и толще выдр.

Хоть я и впервые сталкивался с этими созданиями, но сразу узнал в них бобров³³.

Тайна теперь разъяснилась: колония бобров эмигрировала в долину, и построенная ими плотина вызвала внезапное наводнение.

Сделав это открытие, я остался на месте – понаблюдать интересных зверей.

Плотина казалась вполне законченной, но это отнюдь не явствовало из того, что зверьки отдыхали. Дело в том, что бобры производят свои строительные работы только по ночам. Вообще они очень редко появляются днем на суше, так как боятся охотников; но эти звери, очевидно, были не знакомы с огнестрельным оружием, и они как будто отдыхали от ночных трудов. Без сомнения, вся плотина не могла быть воздвигнута за одну ночь, и лишь верхняя часть ее, возведенная бобрами накануне, послужила причиной наводнения. Так как ручей в этом месте почти подступал к берегам лужайки, достаточно было небольшого препятствия, чтобы его запрудить и вызвать громадный разлив.

Одни бобры лежали на сооруженной ими постройке, грызя листья и стебли, торчавшие из массы ила, другие купались и кувыркались в воде, третьи, наконец, сидя на пнях по сторонам плотины, били время от времени по воде своими тяжелыми хвостами, подобно прачкам, полощущим белье.

Это было любопытное и комическое зрелище. Насладившись им вдоволь, я хотел было выступить из засады, чтоб посмотреть, какое впечатление произведет появление человека на четвероногих строителей, когда внезапно внимание их было привлечено каким-то предметом.

Один из них, сидевший на пне на некотором расстоянии от запруды, по всей вероятности дозорный³⁴, соскочил и трижды ударил тяжелым хвостом: это был, конечно, сигнал; тотчас зверек нырнул с головой в воду, как будто его преследовали, а вся прочая стая, услышав хлопанье и плеск, вздрогнула и, с ужасом оглянувшись, пустилась к берегам и юркнула в воду. Каждый перед тем, как нырнуть, щелкал хвостом.

В поисках причины этой внезапной тревоги я заметил в направлении, где сидел сторожевой бобр, животное странной формы. Оно двигалось медленно и бесшумно, крадучись за деревьями и прижимаясь к воде. Оно направилось к шлюзам, и я стал наблюдать за ним.

Достигнув плотины, оно медленно взобралось на парапет, стараясь остаться незамеченным со стороны озера.

Тут я разглядел его подробно. Это был неуклюжий зверь, немного крупнее бобра и в некоторых отношениях похожий на него. Различия, однако, бросались в глаза. Во-первых, несколько иная окраска: спина и живот у пришельца были почти черные; две светло-коричневые полосы шли по бокам, встречаясь сзади. Лапы и нос были совершенно черные, тогда как грудь и шея – белые, и глаза обведены белыми кругами. Ушки маленькие, густые, усы топорщащиеся и короткий пушистый хвост.

Мех у него густой и длинный, лапы сильные, мускулистые и настолько короткие, что при ходьбе он как будто волочит тело по земле: кажется, что он ползает, а не ходит. Это объясняется его принадлежностью к животным стопоходящим. Его удлиненные ступни были хорошо развиты и снабжены блестящими загнутыми когтями. Во всей повадке его чувствовался хищник.

Это была росомаха – смертельный враг бобров.

На середине плотины она остановилась, положила передние лапы на бруствер из частокола и глины, медленно подняла голову и заглянула в запруду.

Хотя бобры полжизни своей проводят под водой, они лишены способности оставаться в ней подолгу и время от времени вылезают на поверхность подышать воздухом. Бобры уже повысовывали головы в разных местах запруды. Некоторые настолько осмелели, что взобрались на маленькие островки, торчавшие там и сям над водой; животные были вполне уверены, что виверра, будучи плохим пловцом, здесь их не настигнет. Однако никто из бобров не обнаруживал желания вернуться к плотине.

Между тем росомаха как будто перестала поджидать бобров на плотине; она больше не таилась, хотя была отлично видна со стороны запруды. Теперь она зорко огляделась вокруг, точно хотела наметить жертву и предпринять более решительные шаги. Наконец, выработав план нападения, она смело вскочила на парапет и по крыше плотины вернулась к тому месту, откуда пришла. На некотором расстоянии от плотины она остановилась, потом резко повернулась спиной к запруде и исчезла в лесу.

Мне было крайне любопытно, вернутся ли бобры на плотину, и я решил помедлить в своей засаде. Выждав минут пять, я заметил, что некоторые бобры, из тех, что сидели на островках, погружаются в воду и плывут, направляясь в мою сторону. Покуда я наблюдал за ними, внезапно раздался глухой шум в листве возле плотины. Оглянувшись, я увидел росомаху, спешившую к частоколу. Однако вместо того, чтобы, как в первый раз, ползти, крадучись, вдоль бруствера, она схватила своими когтистыми лапами поваленный поперек ручья ствол и вскарабкалась на него, стараясь держаться стороны, противоположной запруде. Ветви этого дерева свисали горизонтально над парапетом. В одно мгновение виверра достигла одной из этих ветвей и, утвердившись на ней плашмя, заглянула вниз.

Но едва утвердилась она на этой новой позиции, как с полдюжины бобров, предполагая, очевидно, что враг далеко, вскарабкались на парапет, щелкая, как раньше, длинными тяжелыми хвостами. Едва они подошли к свисавшей ветке, как росомаха поднялась, насторожилась и приготовилась ринуться на добычу.

Теперь пришла моя очередь: я вскинул карабин и прицелился прямо в сердце зверю. Бобры, ошарашенные громом выстрела, нырнули в воду, а раненая росомаха свалилась с плотины. Я подбежал к ней и ударил ее прикладом; но каково было мое удивление, когда свирепое животное вонзилось клыками в дерево приклада и чуть не расщепило его. Я закидал его большими камнями, ловко увертываясь от клыков, и наконец прикончил топором.

Чудовищный зверь похож был на барса, который задрал нашего быка возле лагеря, но размерами поменьше. Я не соблазнился его тушей, не видя в ней никакого прока. Так как

убитый зверь испускал отвратительный запах, я поспешил от него удалиться, оставив его там, где он свалился, и кратчайшей дорогой вернулся в лагерь.

Глава XVIII. Жилища бобров

Я избавлю вас от описания восторга жены и детей, услышавших от меня рассказ обо всем виденном и о приключении с виверрой. Теперь, когда выяснилось, что причиной наводнения была плотина, воздвигнутая бобрами, зашлюзовавшими ручей, мы окончательно укрепились в нашем смелом намерении – обосноваться в котловине.

Бобры являлись для нас источником благосостояния, несравненно более существенным, чем служба в мексиканских рудниках, и даже чем самые рудники. Бобровая шкурка ценилась в два фунта стерлингов. В открытой мною колонии было не меньше ста бобров, а пожалуй, и больше; но, так как бобры размножаются необычайно быстро, давая ежегодно приплод в пять-шесть детенышей на самца и самку, не было никаких сомнений, что число их дойдет до многих тысяч.

Мы будем их охранять, поставлять им пищу, а также займемся истреблением виверр и других врагов бобра, которые окажутся в долине. Все это, конечно, будет способствовать их размножению, и, чтобы остановить чрезмерный прирост, мы будем убивать бобров постарше, бережно снимая с них драгоценный мех. Несколько лег такой работы – и мы вернемся в цивилизованный мир, нагруженные чудесными бобровыми шкурками, которые составят значительную ценность.

Местность, облюбованная для поселения, сильно выиграла в наших глазах. Я проникся уверенностью, что лучшего выбора сделать нельзя. Если бы даже мне дали сейчас выносливых здоровых быков, я, сказать откровенно, остался бы на месте. Шутка Марии оправдалась: мы можем разбогатеть в пустыне.

Итак, решено: мы остаемся.

Во-первых, надо было построить жилье. В этих обстоятельствах можно было думать только о бревенчатой хижине. Воздвигнуть ее для Куджо было детской игрой. В Вирджинии, на моей злополучной ферме, он выстроил несколько таких хижин, и никто не мог с ним сравниться в искусстве сооружения этих временных построек. Никто не умел лучше Куджо обтесать бревна, прочно пригнать их друг к другу; он с необычайным мастерством делал в них шипы и гнезда, и его бревенчатая кладка отлично держалась без помощи гвоздей; наконец, Куджо умел придать прочность степам, выложить плиту из глины, поставить дверь, прорубить окно. Ручаюсь вам, что в умении построить простой бревенчатый дом Куджо мог поспорить с любым архитектором.

Строительного материала в нашем распоряжении было сколько угодно. Особенно выделялись тюльпановые деревья с высокими мачтовыми стволами, шестьдесят футов высоты, без единого сучка или ветки до самой кроны.

Топор Куджо неумолчно стучал в лесу. Треск падающих стволов отдавался эхом по всей долине. Мы с Генри и Франком, приспособив для этой цели нашу заслуженную кобылу Помпо, перетаскивали стволы к месту, назначенному для постройки дома.

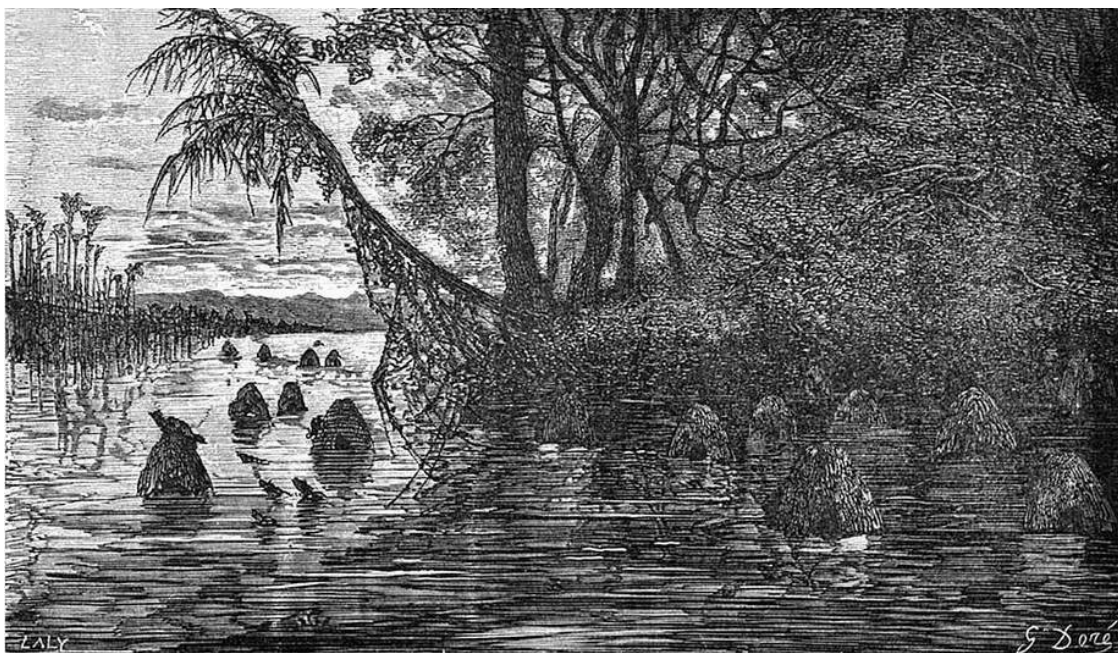
На третий день Куджо забил колья, а на четвертый мы вывели сруб. Пятый день ушел на размещение балок и стропил.

Весь шестой день Куджо провозился с большим дубовым бревном, которое он заготовил и распилил на четырехфунтовые обрубки еще в начале работы. Дерево к этому времени совершенно просохло и легко расщеплялось. Куджо быстро с ним сладил при помощи топора и стамесок. К вечеру у нас была целая груда досок длиной с нашу повозку и подходящих для кровли. Я провел этот день в заготовке глины, чтобы обмазать стены и выложить печь.

На седьмой день мы отдыхали. Было ли то воскресенье – сказать затрудняюсь, но нас это мало интересовало: после шести дней напряженного труда человек вправе отдохнуть, не справляясь с календарем и пасторскими указаниями.

День отдыха прошел, как настоящий праздник. Дети благодаря стараниям Марии нарядились в чистое платье. Всей семьей мы отправились на прогулку к бобровой плотине.

Бобры были не менее озабочены своей постройкой, чем мы сами: их конусообразные жилища уже поднимались над водой, один – поближе к берегам, другие – на островках. К одной из этих «хижин» нам удалось подойти поближе, и мы рассмотрели ее с живейшим любопытством. Она была почти правильной конической формы, похожа на пчелиный улей и построена из камней, сучьев и мелкой гальки, смешанной с водорослями. Основание этих сооружений уходило под воду, и хотя заглянуть внутрь не представлялось возможным, мы все же заключили о существовании подводного этажа, так как из воды торчали жерди, на которых держалась вторая переборка. Вход в жилище был под водой, так что бобр, вылезая из дому, каждый раз по необходимости нырял; однако это его ничуть не смущало и скорее доставляло ему удовольствие. Со стороны берега жилище бобра было, как нам часто приходилось слышать, наглухо замуровано. И в самом деле, бобр поступил бы опрометчиво, оставив открытую лазейку для врага. Все эти сооружения были осыпаны галькой, плотно прибитой тяжелыми хвостами бобров и их широкими лапами: она производила впечатление хорошо утрамбованной. Мы знали, что изнутри жилье бобра отделано таким же образом, а потому является теплым и удобным зимой.

Их конусообразные жилища уже поднимались над водой

Некоторые постройки уклонялись от правильной конической формы в яйцевидную; иногда попадалось по две постройки под одной крышей, для большей устойчивости в воде и в целях архитектурной экономии. Все они были достаточно просторными. Многие поднимались в человеческий рост над уровнем воды и были снабжены широкими навесами, под которыми бобры любят отдыхать и греться на солнце. Каждое жилье было построено своими обитателями – самцом и самкой; иногда семейство бобра состояло из пяти-шести членов. Бобры, успевшие справиться с постройкой раньше других, заготавливали на зиму провизию, то есть листья и стебли различных древесных пород: ивы, березы и шелковицы. Они во множестве плескались в воде у входа в свои жилища.

Поздняя осень была не слишком благоприятным временем для сооружения новой плотины. Строительная горячка у бобров начинается обычно весной. Несомненно, что прибыв-

шая в наши края колония была изгнана с насиженного места трапперами или индейцами; возможно также, что они покинули старую плотину, расположенную в нескольких стах километров отсюда, оттого, что пересох или переменил течение ручей.

По нашим предположениям, они поднялись по течению реки, направлявшейся на восток.

По всей вероятности, они появились в долине за несколько дней до того, как я их обнаружил; ведь требовалась неделя-другая, чтобы надломить прибрежные деревья и накопить всю эту кучу материала для постройки внезапно выросшей плотины. Некоторые стволы имели целый фут в диаметре. Большинство камней весило по двадцати фунтов; однако бобры перекачивали их по земле или же переносили, прижимая лапами к груди.

Итак, бобры пришли сравнительно поздно, но усиленной работой наверстали свое опоздание.

Глава XIX. Умная белка

Покуда мы наблюдали за движениями бобров, вникая в нравы этих любопытных созданий, случилось нечто весьма интересное, подтвердившее нам, что не одних только бобров природа наделила высокой сообразительностью.

Почти посредине запруды возвышалась купа больших деревьев, погруженных на два-три фута в воду. Деревья эти до образования озера стояли на берегу ручья; теперь их со всех сторон омывала вода, и, по всей вероятности, они были обречены на гибель, так как являлись разновидностью тополей, быстро загнивающих, чуть только корни их погружаются в воду.

На этих деревьях мы заметили каких-то маленьких животных, которые с изумительной ловкостью перепрыгивали с ветки на ветку и с дерева на дерево. Это были белки.

Казалось, все они находились в состоянии сильнейшего возбуждения. Можно было подумать, что покой их нарушен близостью врага. Однако ничто им не угрожало; они прыгали с дерева на дерево, спускаясь вниз по стволу до самой воды; затем быстро оглядывали воду, как бы собираясь прыгнуть в нее, и вновь карабкались на высоту. Их было штук двенадцать, но благодаря быстроте, с которой эти проворные зверьки мелькали в листве, создавалась иллюзия, что их в десять раз больше. Ветки и листья непрерывно гнулись и шуршали под белками – ни дать ни взять в деревьях жила целая стая маленьких птичек.

Взгляд наш упал на зверьков, шнырявших по деревьям; но, не найдя в них ничего замечательного, мы не стали приглядываться к их движениям. Во всяком случае, для нас было очевидно, что эти нежные животные, избегающие без серьезной необходимости всякого соприкосновения с водой, были встревожены в своем привычном убежище появлением шлюза и очутились в плену на зеленом островке. Почти вся листва на деревьях была обглодана белками, а с более тонких веток была содрана и кора. К этому белок вынудила голодовка; они боязливо озирались вокруг, ища спасения.

Только внимательно присмотревшись, мы поняли, что именно обнадежило их и привело в возбужденное состояние. Неподалеку от затопленной купы, в верхней части запруды, плавало дерево. Неизвестно как попавшее в ручей, оно было увлечено потоком и приближалось к зеленому островку, на котором ютились белки; двигалось оно крайне медленно, так как течение посреди запруды почти сводилось на нет. Именно это дерево было причиной беличьей тревоги. Зверьки явно задумали, как только оно подплывет к ним, воспользоваться им для передвижения.

Мы уселись и приготовились наблюдать дальше. Дерево медленно подплывало. Белки сгруппировались на ветках, поджидая его; вместо того чтобы лазать вверх и вниз, как раньше, они теперь неподвижно сидели на кончиках ветвей.

Дерево между тем проплывало мимо затопленной купы; одна из веток нагибалась к нему. Но мы рассчитали, что спасательный «плот» проплывет шагах в двадцати от этой ветки. Однако белки ожидали в полном сборе, устроившись цепью, одна за другой, и передняя белочка как будто готовилась прыгнуть.

Белки ожидали в полном сборе, устроившись цепью, одна за другой

– Неужели она отважится на такой безумный прыжок? – прошептала Мария.

И мы затаили дыхание, боязливо выжидая, что произойдет.

– Да, миссис Ролф, – ответил Марии Куджо, – они в самом деле собираются прыгнуть. В Вирджинии они прыгали еще дальше. Глядите, одна уже прыгает!

Не успел Куджо договорить, как первая белка, описав дугу в воздухе, упала на плывущее дерево; за ней – другая, третья, и вскоре все белки, подобно птичьей веренице, мелькнули в воздухе и очутились на «плоту». Дерево, усеянное белками, продолжало плыть как ни в чем не бывало.

Вначале нам показалось, что белки перекочевали все до одной; но мы ошиблись: на затопленной купе оставалась одна.

По всей вероятности, она не успела вовремя добежать до конца ветки. Длинная ветка, понемногу сгибаясь под тяжестью белок, ожидавших на ней переправы, сильно пригнулась к воде, и расстояние от ее конца до проплывавшего мимо дерева таким образом увеличилось. Для последней белки прыжок оказался рискованным.

Зверек в безумном смятении бегал взад и вперед, огорченный своей неудачей и подавленный одиночеством. Несколько минут он прыгал с дерева на дерево, метался из стороны в сторону, то и дело останавливаясь и печально провожая глазами удалявшихся подруг.

Вдруг белка начала спускаться с дерева, отличавшегося необычайно толстой корой; кора эта была расколота на крупные чешуи, более фута в длину каждая и в несколько дюймов шириной, и почти свободно отделялась от ствола. За эту особенность дерево, на котором сидела белка, прозвано охотниками «чешуйчатым». Белка наметила самую большую чешую, вклинилась между ней и деревом, и вскоре кора зашевелилась. Зверек выбивался из сил, чтобы отодрать кору от дерева; он хлопотливо выглядывал из-за ширмочки, подгрызал кору, расшатывал ее коготками.

Наконец чешуя почти отделилась от ствола и повисла на нескольких волокнах, которые белка не замедлила перегрызть своими острыми зубками. Кора шлепнулась в воду, а белка с грациозной легкостью прыгнула на нее. Течение в этом месте почти отсутствовало, и вряд ли белка на куске коры уплыла бы далеко от зеленой купы; но зверек не смутился затруднением: покачавшись, белка распушила свой большой хвост наподобие паруса, и ветерок начал медленно подталкивать своеобразный кораблик. Вскоре зверек миновал купу; ветер направил кораблик к нижнему течению запруды, и, подхваченная потоком, лодчонка умчала белку к остальным.

Те уже приближались к плотине. Генри хотел было преградить им дорогу, но мать удержала его за руку, объявив, что чудесные умные белочки, доставившие нам такое пленительное зрелище, вполне заслуживают свободы.

Глава XX. Дом без гвоздей

Наутро мы с Куджо возобновили постройку. Весь день мы выводили крышу. Прежде всего мы уложили дощатый навес, позаботившись о стоке для воды. Скат крыши был закреплен длинной рейкой, проходившей из конца в конец дома. Мы подвязали ее к основанию крыши ремнями из лосиной кожи, размоченными в воде, рассчитывая, что когда ремни просохнут и скорежатся, то еще плотнее прижмут рейку. Второй ряд досок мы уложили на первый, считая с края крыши, оставив концы досок для третьего ряда и закрепив кладку второй рейкой, и так далее – до конька крыши.

Другой скат мы вывели тем же способом, причем конек сам собой оказался предохраненным от дождя дощатым гребнем, образовавшимся на стыке досок.

Жилье было вчерне готово и снабжено крышей; но промежутки между столбами в стенах оставались незаполненными, и все вместе походило скорее на клеть, чем на дом.

Весь следующий день мы заканчивали сруб с расчетом на окно и дверь. Решено было прорубить только одно окно.

Дверная коробка получилась очень просто. Вначале мы укрепили боковые стойки двери, а затем распилили поперечные бревна. Если б не пила, по счастью, оказавшаяся в нашем инвентаре, пришлось бы возиться гораздо дольше. Выпилив отверстие для двери, мы соорудили дверную коробку. Так же точно поступили с окном. Потом распилили на доски для самой двери и для ставней окна великолепный экземпляр тюльпанного дерева. Пригнав друг к другу доски, мы их соединили шипами, взяв для этого дерево колючей акации, известное своей твердостью. Прикрепив окно и дверь к рамам ремнями из лосиной кожи, мы перенесли под кровлю весь свой хозяйственный скарб и отдохнули на новоселье.

Жилье далеко еще не было закончено. Оставалось построить очаг и дымоход. Трубу, конечно, надо было вывести на крышу, и мы выбрали для нее северный скат; фасадом наш дом был обращен к востоку.

Поставив два опорных столба, подобно тому, как мы это сделали для двери, мы выпилили выемку в стене до обычной высоты дымохода. Затем в промежутке между столбами мы построили остов дымохода, расположив крестовиной бруски дерева, уменьшавшиеся от основания к верху. Сравнительно легкая верхняя кладка не представляла угрозы для основания. Заполняя пустоты щебнем, мы тщательно обмазали глиной внутренность дымохода, и теперь он возвышался над домом подобно миниатюрной фабричной трубе.

Что касается самого очага, то мы сложили его из камня и щебня позади дома, снаружи, опять-таки сделав выемку в бревнах и закрепив их стойками.

Хотя на дворе было не особенно холодно, мы затопили очаг, и в нем весело затрещал хворост.

Наутро мы заложили щели сруба стружками и камешками, смазанными глиной, так что ни одна мышь не могла к нам проникнуть.

Пол мы оставили земляным, так как почва была совершенно сухая, но для большего удобства покрыли его настилом из свежих пальмовых листьев.

Теперь мы могли отпраздновать настоящее новоселье в доме, построенном без единого гвоздя.

Оставалось только приютить лошадь. Ввиду сравнительно теплой осенней погоды Помпо могла еще ночевать под открытым небом; но мы боялись, что какой-нибудь хищник прокрадется ночью на лужайку и расправится с бедной кобылой, как барс с быком.

Конюшню мы построили в два дня, употребив уже заготовленные бревна и оставшиеся доски. Об окнах и печи думать не приходилось, так как в климате прерии незачем отапливать конюшню. Куджо выдолбил корыто для корма.

Начиная с этого времени Помпо по вечерам запиралась в конюшню.

Покончив с конюшней, мы начали мастерить стол и полдюжины прочных стульев. Как вы уже знаете, у нас не было гвоздей; но, к счастью, мы располагали ножницами, ножами и еще кое-какими инструментами, привезенными из Вирджинии в большом ларе, в расчете на то, что они нам понадобятся на пресловутой каирской ферме. При помощи этих инструментов мы, с плотницкими талантами Куджо, наделали сколько потребовалось шипов и гнезд. Из лосиных рогов и копыт мы сварили великолепный клей. Не мешало бы иметь рубанок, чтобы обстрогать стол, но кусками пемзы, подобранными в котловине, мы отполировали его поверхность, как стекло.

Находка пемзы навела меня на мысль, что снежная гора, сверкающая над долиной, является потухшим вулканом.

О бобрах мы, однако, не забыли: они с возрастающим усердием сбрасывали большие ветки в воду и копили их в своих жилищах, запасаясь провизией на зиму. Понемногу они приручились и нередко показывались на лужайке. Мы решились вознаградить доверчивость этих животных угощением, которое они вряд ли надеялись получить из наших рук.

Я наметил два прекрасных дерева на краю луговины, поблизости от нашего дома; они были тоненькие и гибкие, футов тридцать вышиной, с овальными листьями дюймов шести в длину; зелень их отливала голубым. Цветы этого дерева напоминали шиповник, но сверкали снежной белизной. Их запах был чрезвычайно приятен, и Мария по утрам ставила свежие букеты из этих цветов в кувшины с водой.

Жена объяснила мне природу и свойства этого благоуханного дерева.

Это была разновидность магнолии, но не той, которая славится огромными цветами, а так называемой *Magnolia glauca*. Иногда ее называют болотным сассафрасом. Но охотники и трапперы прозвали ее «бобровым деревом», потому что бобры чрезвычайно лакомы до ее корней, которыми охотники часто пользуются как приманкой, привлекая их в капкан.

Мы с Куджо немедленно принялись за дело и с помощью копья и топора в несколько часов выкорчевали из земли эти деревца с их цепкими корнями; потом перетащили их к запруде. Деревья погрузили в воду на месте, обычно посещаемом бобрами.

Аромат корней не ускользнул от обоняния бобров, они явились толпами, и было весело глядеть, как они возвращаются в свои жилища с душистыми корешками в зубах.

Глава XXI. Битва с черными хвостами

Больше мы ничем не могли побаловать наших бобров, хотя берегли их, как сокровище, зная цену чудесному меху. Убить бобра или употребить его мясо в пищу нам казалось кощунством.

К тому же мы не собирались терпеть недостатка в дичи, так как на влажной земле повсюду виднелись отпечатки копыт оленей и других животных.

Покуда мы строили дом, запас лосиногo мяса подошел к концу, и мы решили предпринять большую охоту. На эту охоту мы также смотрели как на разведочную экспедицию: ведь до сих пор нам была знакома часть лощины, непосредственно примыкающая к жилью. В охотничий «отряд» вошли только я и мальчики; Куджо остался дома со своим длинным копьем – охранять от всяких напастей женское население.

Закончив сборы и прихватив карабины, мы выступили верхней тропой. Проходя под большими деревьями, мы видели множество белок: они сидели, поджав лапки, как обезьяны, грызли миндаль; одни резвились, как щенята, другие прыгали с ветки на ветку; стремительностью своей они напоминали скорее птиц, нежели четвероногих. Белки, карабкаясь на дерево, садились обычно на противоположную нам сторону, считая ее более безопасной. Но иногда любопытство пересиливало страх, и на первой или второй ветке снизу белки задерживались, украдкой на нас озирались и распускали веером пушистые хвосты. Ничего не было легче, как подстрелить их; но я строго-настрого приказал мальчикам не тратить ни одного заряда на дичь мельче лося или оленя.

Поднявшись над потоком на высоту километра, мы заметили, что чаща постепенно редее. Появились прогалины. В таких местах должен водиться олень: здесь он чувствует себя уверенней, чем в сплошном лесу, где ему грозит неожиданное нападение барса или кугуара.

А вот и свежие следы! Скорее отпечатки кабаньих, чем оленьих копыт, но размерами приближающиеся к следам лося.

Мы продвигались с осторожностью, укрытые лиственной завесой. Наконец в просвет деревьев мы увидели лужайку, более обширную, чем все прежние. Бесшумно прокравшись к опушке, мы, к великому нашему удовлетворению, обнаружили мирно пасущееся стадо.

Животные эти, несомненно, принадлежали к семейству оленей; об этом говорили их длинные точеные ноги и большие ветвистые рога; но они отличались и от обычного типа оленя, и от лося; размерами они превосходили рыжего или пегого оленя, сложением и шерстью почти не разнились от него. Своеобразны были их уши и хвосты: уши длинные, как у мулов, достигали почти половинной высоты рогов; хвосты были короткие и пушистые, с белыми концами, но у основания и посередине цвета вороньего крыла. Черные крапины были разбросаны по крупу, и такие же полосы шли от шеи к лопаткам; два черных кольца – вокруг ноздрей. Все эти черты несвойственны вирджинскому или английскому оленю.

Я кое-что читал об этих животных, малоизвестных зоологам и называемых «чернохвостыми оленями Скалистых гор».

Однако мы не увлеклись наблюдением: слишком горячо было желание подстрелить дичь. Но как приблизиться к ним?

Стадо из семи голов паслось посреди лужайки, в трехстах шагах от нас – на расстоянии, недостижимом для длинноствольного карабина.

Я обратил внимание на прорезь в деревьях по ту сторону луга, уходившую в глубину леса. По всей вероятности, прогалина сообщалась с другой, и если мы спугнем оленей, они воспользуются лесным коридором. Чтоб отрезать им путь к бегству, я крадучись обошел луг, оставив Франка на прежнем месте, а Генри – спрятанного за деревом, на полпути.

Таким образом олени были захвачены в треугольник облавы, и мы были уверены, что кто-нибудь из стрелков достанет их из карабина, не допустив до бегства.

Не успел я добраться до «просеки» – простите мне это неточное выражение в применении к девственному лесу, – как стадо, щипля траву, направилось в сторону Франка. С каждым шагом олени к нему приближались. Внезапно над листвой взвился дымок, и блеснул огонь: грянул выстрел, и рванулись собаки. Один из оленей подпрыгнул и свалился замертво. Другие заметались в смутении по лугу и, сделав несколько кругов, бросились к коридору, возле которого я стоял на посту. В своем паническом бегстве они поравнялись с Генри, в кустах пронзительно просвистела пуля, и еще один чернохвостый свалился как подкошенный.

Не желая отставать от сыновей, я выстрелил в бегущих оленей и, как мне показалось, промахнулся. Но через мгновение Кастор и Поллукс, травившие оленей, кинулись на отставшего зверя и повалили его. Я поспешил им на помощь и, схватив раненого оленя за рога, прикончил его ударом ножа. Он был ранен в бедро, чем и объяснялся успех собак.

Я выстрелил в бегущих оленей и, как мне показалось, промахнулся

Затем мы все трое сошлись и поблагодарили судьбу, которая послала нам настоящую «облаву». Мы справедливо могли гордиться: ни один заряд не пропал даром, и в несколько мгновений мы надолго запаслись отборной дичью. В самом деле, мы далеко не с легким сердцем умертвили красавцев оленей: нас к этому вынудила властная необходимость – страх перед голодом. Каждый из нас поздравлял других с удачным выстрелом, хотя все отличились. Мы справедливо увенчали Генри: он подстрелил свою дичь на ходу, а это было не так-то легко с чернохвостыми оленями, которые бегут не иноходью, как все прочие, а прыжками устремляются вперед, взметая на воздух все четыре ноги, как скачущие бараны.

Бережно почистив и разрядив карабины, мы прислонили их к дереву и начали свежевать дичь.

Во время этой работы Генри пожаловался на жажду, сказать по правде, нам всем хотелось пить, так как мы совершили порядочный путь под палящим солнцем. Вблизи сочного луга должен был протекать ручей. Генри взял чугунок и пошел искать воду. Не успел он скрыться в лесу, как мы услышали его зов. Мы с Франком схватили карабины и побежали к нему. Генри спокойно сидел на берегу прозрачного ручья, держа в руках чугунок, полный воды.

– Зачем ты позвал нас? – спросил его Франк.

– Попробуй, – ответил ему брат, – вода соленая, как в море.

– Да, она солоня! – разочарованно воскликнул Франк.

Это открытие было негладким счастьем. Дети, мучимые жаждой, не разделяли моей радости. Конечно, они предпочли бы хорошую пресную воду соленой влаге. Но я объяснил им всю важность этой находки. Дело в том, что нам остро не хватало соли; в запасах наших не было ни крупинки этой драгоценной приправы, и с момента прибытия в лощину «соляной голод» ощущался нами, как настоящее лишение. Люди, никогда не терпевшие недостатка в соли, лишь с трудом себе представляют, как мучительно полное отсутствие этой грубой, но, безусловно, необходимой для нашего организма приправы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.